

ПИСЬМА М. Л. ГОФМАНА К Б. Л. МОДЗАЛЕВСКОМУ

Часть I

(1904—1921)

Публикация Т. И. Краснобородько, при участии В. Р. Гофмана

В библиотеке Пушкинского Дома хранится книга М. Л. Гофмана «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине» с авторским посвящением: «Пушкинскому Дому его давний сотрудник, преданный ему всею душою, всеми мыслями, интересами и работой». ¹ Надпись сделана 1 февраля 1922 г. — незадолго до того, как Гофман отправился в научную командировку в Париж для решения судьбы Пушкинского музея А. Ф. Онегина, который по дореволюционному договору Академии наук с владельцем принадлежал Пушкинскому Дому. Затянувшаяся более чем на два года командировка обернулась увольнением Гофмана из Академии, фактическим отлучением от Пушкинского Дома и эмиграцией. Обстоятельства сложились так, что последним выступлением Модеста Гофмана в печати стал его отклик на книгу «50 лет Пушкинского Дома. 1905—1955», ² которая дошла до него с большим опозданием и которую он читал ревниво и пристрастно — глазами одного из первых и, как ему казалось, несправедливо забытых пушкинскомцев. Эту справедливость ему и хотелось восстановить. Небольшая по объему рецензия носила мемуарный характер и состояла из двух фрагментов: о Б. Л. Модзалевском как устроителе Пушкинского Дома и «первых шагах этого важного учреждения», свидетелем которых был Гофман, и об Онегинском музее, возвращенном в Россию при деятельном участии самого Гофмана.

Публикуемые ныне письма Модеста Людвиговича Гофмана (1887—1959) — поэта, критика, педагога, историка литературы, пушкиниста — сохранились в архиве Бориса Львовича Модзалевского (1874—1928). Настоящая публикация по существу преследует ту же цель, что и давняя рецензия в «Новом журнале», — вернуть имя Модеста Гофмана в историю Пушкинского Дома. ³ Письма Гофмана к одному из основателей

¹ Гофман М. Л. Пушкин: Первая глава науки о Пушкине. Пб., 1922 (шнфр: 38 1/51).

² Гофман М. Л. По поводу книги «50 лет Пушкинского Дома» (1905—1955) // Новый журнал. Нью-Йорк, 1958. Кн. 53. С. 273—279.

³ О Гофмане как сотруднике Пушкинского Дома см. также: *Файнштейн М. Ш.* Из истории собрания А. Ф. Онегина в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 307—316; *Огиевич Е. В.* М. Л. Гофман: жизнь и труды // Страницы истории пушкиноведения: Сб. науч. трудов. СПб., 1994. С. 63—71.

этого академического учреждения, созданного «в благоговейную память о великом русском поэте», а также воспоминания Гофмана⁴ представляют собой благодарный материал к первоначальной истории Пушкинского Дома. Они возвращают к тем «лепописным временам», когда закладывался надежный, незыблемый фундамент его коллекций — рукописных, книжных, музейных — и когда вокруг Модзалевского постепенно собирались его единомышленники — пушкинодомские труженики и пушкинодомские дарители.

Официальная служба Модеста Гофмана в Пушкинском Доме началась в апреле 1920 г.; в круг добровольных, энергичных и неутомимых помощников Б. Л. Модзалевского в собирании литературных материалов он оказался «завербованным» намного раньше — в 1910 г., вскоре после Высочайшего утверждения «Положения о Пушкинском Доме»; знакомство же Модеста Гофмана с многочисленной семьей Модзалевских и самим Борисом Львовичем началось задолго до этого, еще в начале 1900-х гг. и, возможно, предопределило его будущую академическую карьеру.

Младший брат Б. Л. Модзалевского — Вадим и старший брат М. Л. Гофмана — Всеволод были однокашниками по 1-му Кадетскому корпусу и Николаевскому инженерному училищу. Их объединяло, кроме того, серьезное увлечение музыкой, общее для обеих семей. В летние месяцы 1900—1902 гг., свободные от занятий в училище, они гостили друг у друга: Всеволод Гофман — в Гарях (именно Модзалевских в Гдовском уезде Петербургской губернии), а Вадим Модзалевский — на даче Гофманов в Лесном. Душой музыкальных вечеров в доме Гофманов была старшая сестра Модеста — Надежда Людвиговна, прекрасная пианистка. Летом 1902 г. Вадим Модзалевский совершенствовался в музыке под ее руководством. «Благодаря любезному предложению Н. Л. Гофман, — сообщал он одному из старших братьев, — буду изучать стариков: Баха, Моцарта, Гайдна, Бетховена и т. д. Это необходимо для дальнейшего

⁴ М. Л. Гофман не оставил связанных литературных воспоминаний. В середине 1950-х гг. он напечатал несколько небольших статей. Одна из них прямо определялась им как мемуарная — «Петербургские воспоминания» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. Кн. 43. С. 120—133); остальные — написанные по разным поводам рецензии, также носили выраженный мемуарный характер: «По поводу истории академического издания сочинений Пушкина» (Там же. 1954. Кн. 39. С. 279—284); «Существует ли неизданный дневник Пушкина?» (Там же. 1955. Кн. 43. С. 256—264); «По поводу книги „50 лет Пушкинского Дома“ (1905—1955)» (Там же. 1958. Кн. 53. С. 273—279). К этому же времени, лету 1954 г., относилось его намерение «пробежать себя за 66 лет». Опираясь на свою феноменальную память (архив Гофмана не сохранился), он попытался это сделать в форме писем к поэтессе и мемуаристке Антонине Горской (паст. имя А. А. Гривцова, урожд. Подерни; 1893—1972), близкой ему в последние годы жизни (А. Горской принадлежит некролог «Памяти Модеста Людвиговича Гофмана» в парижской газете «Возрождение»; опубликован в кн.: Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935—1937). М., 2000. С. 457—466). Письма больше похожи на исповедь — очень длинные, подробные, написанные без оглядки на самоцензуру, воссоздающие с предельной откровенностью частную, интимную жизнь Гофмана. Он не скрывает в них своей непреодолимой потребности «выговориться» — поэтому в письмах преобладают воспоминания о «душевной» жизни, которые вызывают в памяти внешнюю, фактографическую сторону прошлого лишь как необходимый контекст душевных переживаний. Эти письма сохранились не полностью (целиком, например, отсутствуют воспоминания о детстве, 1-м Кадетском корпусе, университете и «Кружке молодых», сотрудничестве с С. М. Лифарем), они не предназначались для печати, автор не заболел об их стилистической отделке, и потому мы используем из них только небольшие фрагменты, сопровождаемая цитаты условным обозначением «из воспоминаний М. Л. Гофмана». Уцелевшая часть писем хранится в Париже у его внуков — Андрея и Владимира Гофманов.

музыкального образования. Летом же думаю заняться и теорией композиции и гармонии».⁵

Тогда же стал «прививаться» к Модзалевским и юный Модест Гофман — воспитанник младших классов 1-го Кадетского корпуса, особенно сдружившийся с Вадимом Модзалевским, близким ему по возрасту. В переписке Бориса и Вадима Модзалевских, которая стала особенно интенсивной после определения последнего в 14-й саперный батальон и переезда в Киев, время от времени встречается и имя «Моди» Гофмана — свои каникулы он теперь нередко проводил у Модзалевского в Киеве. Контекст упоминаний обычен для «вакационного» времяпрепровождения: музыка, поездки к знакомым в киевские имения, шумные словесные прения за обеденным столом, но между этим Вадим Модзалевский понемногу привлекал Модеста и к своим генеалогическим размышлениям о роде Модзалевских, в том числе и «скучному» переписыванию архивных документов.

Самостоятельное эпистолярное общение Модеста Гофмана с Борисом Львовичем Модзалевским началось в Петербурге осенью 1904 г. — оно совпало с началом русско-японской войны, куда были призваны родные обоих, и последним годом пребывания Гофмана в 1-м Кадетском корпусе. Их общение, по крайней мере письменное, ограничивалось поначалу просьбами Гофмана о книгах из академической библиотеки и безотказным их выполнением со стороны Модзалевского. Подобные отношения сохранялись, по-видимому, и позднее — в годы учения Гофмана на историко-филологическом факультете Петербургского университета (1905—1910). Впрочем, тогда он был далек от сугубо академических интересов. В первое же время пребывания в университете Модест Гофман увлекся современной поэзией, стал активным членом «Кружка молодых», писал «декадентские», по его собственному признанию, стихи («пытался быть поэтом», как написал он в 1913 г. Блоку в посвящении на своей книжке⁶), состоял секретарем издательства «Оры», гордился дружбой с Вячеславом Ивановым, Александром Блоком, Владимиром Пястом, Сергеем Городецким, в сестру которого был влюблен и которой посвятил свой первый поэтический сборник «Кольцо. Тихие песни скорби» (Пб., 1907).⁷ И эту, и вышедшие позднее книги — «Соборный индивидуализм. Религиозно-философский очерк» (СПб., 1907), «Гимны и оды» ([СПб.], 1910)⁸ — Модест Гофман с неизменным авторским почтением подюсил Б. Л. Модзалевскому.

По окончании университета Гофман был оставлен при кафедре истории русского языка и словесности и одновременно начал педагогическую деятельность: он с увлечением преподавал в гимназии Э. П. Шаффе, позднее — в 1-м Кадетском корпусе. Реформатском училище, гимназии Л. С. Таганцевой, Тенишевском училище и снискал известность одного из лучших в Петербурге преподавателей литературы. Большое количество уроков и жизнь в родительском доме обеспечивали определенный материальный достаток, и в свободное от преподавания время Гофман путешествовал за границей, а также ездил по России — в «пушкинские губернии». Эти поездки уже прямо

⁵ РО ИРЛИ, ф. 184 (письмо Вад. Л. Модзалевского к Вс. Л. Модзалевскому от 2 мая 1902 г.); фонд не обработан.

⁶ См.: Библиотека А. А. Блока: Описание. Л., 1984. Кн. 1. С. 241 (№ 335).

⁷ Подробно об этом периоде жизни М. Гофмана см. в «Петербургских воспоминаниях» самого Гофмана (Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. Кн. 43. С. 120—133) и воспоминаниях В. Пяста (*Пяст Вял. Встречи*. М., 1997. С. 88—99). См. также биографический очерк Гофмана, составленный Н. А. Богомоловым (Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 5—6).

⁸ Эти и другие книги Гофмана с дарительными надписями Б. Л. Модзалевскому в настоящее время находятся в библиотеке ИРЛИ.

были связаны с поручениями Модзалевского. Он «всячески поддерживал меня на избранном мною литературном пути <...>, — вспоминал позднее Гофман. — С первых же моих визитов в архив Академии Наук Модзалевский (он занимал должность заведующего архивом Конференции Академии. — Т. К.) стал воспитывать меня как пушкиниста и привлек к участию в будущем Пушкинском Доме». ⁹ Зимой 1910/1911 г. Модест Гофман привозит в Академию наук из Риги старинный ларец-подголовник времен царя Алексея Михайловича, в котором Пушкин, по преданию, хранил свои бумаги; ¹⁰ из Могилева — болдинский архив Пушкиных. ¹¹ Борис Львович направляет нового энергичного помощника и по «своим» маршрутам: в декабре 1910 г. Модест Гофман впервые посещает Тригорское и Голубово — псковские имения Осиповых—Вульфов—Вревских, где продолжали жить потомки пушкинских друзей, которые и прежде радушно принимали у себя академических «паломников» (академик Л. Н. Майкова в 1896 г. и Б. Л. Модзалевского в 1902 г.), щедро одаривая их семейными реликвиями. Модест Гофман оказался едва ли не более удачливым, чем его предшественники. По поручению баронессы С. Б. Вревской (дочери воспитанной Пушкиным Зизи Вульф) он привез для Пушкинского Дома издания отдельных глав «Евгения Онегина» (в том числе с дарительными надписями Пушкина Евпраксии Вульф ¹²), альбом П. А. Осиповой, ¹³ книгу Е. А. Боратынского «Эда, финляндская повесть, и Пиры, описательная поэма» (СПб., 1826) с дарительной надписью автора П. А. Осиповой, ¹⁴ и серебряный ковшичек на длинной ручке, которым Е. Н. Вульф разливала жженку Пушкину, Н. М. Языкову и А. Н. Вульфу. ¹⁵ Эта поездка, ставшая для Гофмана настоящим откровением и во многом определившая его научную судьбу как пушкиниста, не отражена в публикуемых письмах. Гофман представил о ней отчет в Академию ¹⁶ и в свойственной ему манере, с большим увлечением и подъемом рассказал о ней в нескольких очерках. ¹⁷ Первая поездка в «пушкинскую губернию» вдохновила Гофмана и на поэтический «отчет»: словно заново открывший для себя Пушкина, он посвятил Б. Л. Модзалевскому стихи, которые тот сохранил в своем архиве:

Есть много мест таких, священных уголков
На родине моей, в России, бедной счастьем.
Как луч прорвется вдруг и в мурое ненастье
Мгновенно осветит ряд душных облаков.

⁹ Гофман М. Л. По поводу книги «50 лет Пушкинского Дома». С. 274—275.

¹⁰ См.: Известия императорской Академии наук. VI серия. 1911. № 8. С. 593. В настоящее время ларец находится в экспозиции Всероссийского музея А. С. Пушкина в Петербурге (см.: Февчук Л. П. Портреты и судьбы: Из истории ленинградской Пушкинианы. Л., 1984. С. 207—209).

¹¹ См. краткий отчет М. Л. Гофмана о занятиях в 1910—1913 гг., представленный ordinarily профессору кафедры истории русского языка и словесности Петербургского университета И. А. Шляпкину (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 1126, л. 1). Болдинский архив Пушкиных, привезенный Гофманом, сохраняется ныне в РО ИРЛИ.

¹² В настоящее время: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 751, 752.

¹³ Там же, оп. 4, № 240.

¹⁴ В настоящее время — в библиотеке ИРЛИ (шифр: 496 5/24).

¹⁵ В 1953 г. он был передан из музея ИРЛИ во Всесоюзный музей А. С. Пушкина в Ленинграде, в настоящее время экспонируется в Государственном музее-заповеднике «Михайловское».

¹⁶ См.: Известия императорской Академии наук. VI серия. 1911. № 6. С. 364.

¹⁷ См.: Гофман М. 1) Голубово — Тригорское // Против течения. 1911. 21 янв., № 14. С. 2; 28 янв., № 15. С. 2; 12 марта. № 20. С. 2; 2) Альбомы пушкинской эпохи // Свободным художествам. 1911. Кн. 2. С. 27—30; Кн. 3—4. С. 33—35; 3) Из Пушкинских мест // Пушкин и его современники. Пг., 1914. Вып. 19—20. С. 95—116.

Спокойные они — торжественно-смиренны.
Вокруг их тишина, покой царит во всем —
И гладь озер, и храм, простой песок прибрежный —
Все грезит радостно о радостном былом.

Все душу здесь живит и ярче вдохновенье,
Течет яснее мысль, свободней сердцу путь,
И ровно кровь течет, и беспрестанно грудь
Таинственным огнем горит благоговенья.

Почти полвека спустя, не утратив своих прежних «благоговейных» ощущений, Гофман вспомнит и о бытовых трудностях этих поездок, ставших постоянными:

«Путешествия эти были очень трудны — и физически, и морально, но зато и удивительно интересны и много давали во всех отношениях. Физическая трудность заключалась в том, что надо было ехать по железной дороге до станции Остров (это пустяки), а потом 100 верст ехать на почтовых в Святые Горы, Михайловское, Тригорское и Голубово—Врев: зимою было очень холодно ехать (как ни кутайся в шубу), а летом в большинстве случаев безрессорные экипажи так отбивали почки, что я одно лето болел почками после этой поездки. Нравственно было трудно из-за постоянного напряжения быть во что бы то ни стало любезным с хозяевами и обхаживать их, шармовать. Я вполне усвоил в этом отношении политику и уроки Б. Л. Модзалевского: для того, чтобы ему для Пушкинского Дома наследники литературных семей пожертвовали свои литературные драгоценности, он всюду расстилался перед ними, шармовал их, они таяли и давали ему то, чего он добивался. Я поступал точно так же (для себя не только не стал бы „подличать“, но даже и не попросил бы, но для науки, для Пушкинского Дома готов был на все). Я, может быть, даже превзошел в этом отношении Модзалевского и влюблял в себя, но это было очень утомительно, все время чувствуешь себя в напряжении и с радостью потом, усталый от любезностей (но зато не зря), ложишься спать в одинокую кровать, чтобы с утра опять целовать ручки, любезничать и проч. Ухаживать за внучкой (дочерью. — Т. К.) пушкинской Зизи Вульф — баронессы Вревской, очаровательной восьмидесятилетней (в 1910 г. С. Б. Вревской был 71 год. — Т. К.) старушкой баронессой Софией Борисовной Вревской — мне было нетрудно, поэтому она мне очень нравилась (вылитая мать, которую я слишком хорошо знал по письмам и произведениям Пушкина), но любезничать с ее (т. е. Е. Н. Вульф-Вревской. — Т. К.) внучкой в Голубово—Вреве, молодой (относительно, что еще хуже, — около 50 лет) Светланой Николаевной Вревской и ее мужем бароном Павлом Александровичем Вревским было совсем невесело. А я любезничал и многого добивался».¹⁸

В этом фрагменте небезынтересно собственное откровенное признание Гофмана об умении «влюблять в себя» людей. Тем, кто общался с Модестом Гофманом в разные периоды его жизни, эта особенность его природы запоминалась в первую очередь. В. Пяста, хорошо знавшего Гофмана в студенческие годы, поражала «его способность, возможно, и подсознательная, оказывать непосредственное влияние на людей», не только на своих сверстников: «Изумительная быстрота схватывания и какая-то нечеловеческая работоспособность, вместе с враждебным практицизмом и с какою-то вкрадчивою нежностью, вот характернейшие черты этого человека».¹⁹ В другую эпоху, в начале 1920-х гг., М. Д. Беляев утверждал, что в то время Б. Л. Модзалевский был,

¹⁸ Из воспоминаний М. Л. Гофмана.

¹⁹ *Пяст Вл.* Встречи. С. 89, 88.

«безусловно, под довольно сильным влиянием» Гофмана и «на многое смотрел его глазами. Под его же <влиянием> были и молодые исследователи Ник<олай> Вас<ильевич> Измайлов и Бор<ис> Ив<анович> Коплаи».²⁰

Поездки в Псковскую, а позднее и в Тверскую губернии (Малинники, Берново, Покровское) много дали Гофману. С лета 1913 г. (эти поездки уже отражены в письмах) «большие комоды» и «пузатенькие комодики» на чердаках и в нежилых комнатах голубовского дома постепенно открывались для него — фактически он становился единственным «пользователем» богатейшего семейного архива. Каждый раз Гофман что-нибудь получал.

«„Вот мы еще нашли... Теперь уже ничего больше не осталось...“, но опять что-нибудь оказывалось, — рассказывал он. — Особенно обильная жатва была в следующем (1913. — Т. К.) году: я ездил в Голубово описывать Вревскую библиотеку (ею Пушкин пользовался в 30-х годах). Три дня потратил на это, а затем Светлана Н<иколаевна> привела меня в комнату, где стоял большой комод, туго набитый всякими бумагами, и сказала: „Вот, если хотите, разберитесь в этих бумагах, и, если найдете что-нибудь интересное, возьмите себе“. Я не заставил себя несколько раз просить, тотчас же стал рыться в комод, где нашел большой дневник А. Н. Вульфа <...> и обширную переписку Вульфов—Вревских, где на каждом шагу упоминалось имя Пушкина (и то и другое я опубликовал в 1915 году, и среди старых академиков полупривычный „Дневник А. Н. Вульфа“ вызвал большой скандал)».²¹

Гофман нашел, пожалуй, самое верное слово для обозначения того впечатления, которое произвела в литературных и научных кругах его первая большая работа, связанная с Пушкиным. Впоследствии «Дневник» Вульфа стал одним из основных мемуарных источников для изучения Пушкина и его ближайшего литературного и дружеского окружения. Но в середине 1910-х гг. появление этого документа, в особенности тех его страниц, где с обнажающей откровенностью отражен «любовный быт» мелкопоместного дворянства пушкинского времени и «мefистофелевский метод» Пушкина, не могло не вызвать определенного культурного шока.²² К тому же публикация состоялась в солидном академическом издании (и именно Б. Л. Модзалевский содействовал появлению «Дневника» в «Пушкине и его современниках»).²³ Гофман напечатал текст дневника Вульфа со значительными сокращениями. Его редакторское решение вызвало, с одной стороны, энергичные возражения рецензентов книги, которые отстаивали принцип издания исторических памятников без купюр.²⁴ С другой стороны, раздавались столь же энергичные выступления о целесообразности обнародования подобных документов, сопровождаемых к тому же обширным «педаггичным» и «крохо-

²⁰ РО ИРЛИ, р. 1, оп. 2, № 394, л. 47 об. (*Беляев М. Д.* Пушкинский Дом и его первые обитатели).

²¹ Из воспоминаний М. Л. Гофмана. См. также письмо 14 и прим. 9 к нему.

²² О реакции современников см., в частности: *Цяловский М. А.* Дневник Вульфа. Дуэль Пушкина. (Из новых книг о Пушкине) // *Голос минувшего*. 1917. № 2. С. 279—286; *Цяловский М., Цяловская Т.* Вокруг Пушкина / Изд. подготовили К. П. Богаевская и С. И. Панов. М., 2000. С. 41—43, 215—216.

²³ См.: *Дневник А. Н. Вульфа. 1828—1831 гг.* // *Пушкин и его современники*. Пг., 1915. Вып. 21—22. С. 1—310.

²⁴ См., например, отклик А. Захарова в «Историческом вестнике» (1916. Т. 145, № 9. С. 769—771). Современное издание дневника Вульфа было осуществлено в 1999 г. (см.: *Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа: Дневник 1827—1842 годов* / Сост. Е. Н. Строганова и М. В. Строганов. Тверь, 1999).

борческим» комментарием (на 200 страниц основного текста у Гофмана приходилось 100 страниц примечаний, набранных петитом). Самый резкий и раздраженный отзыв принадлежал Н. О. Лернеру: «Странно, что г. Гофман, испортивший своими самовластными приемами академическое издание сочинений Боратынского, с таким благоговейным тщанием воспроизвел все эти картины трусливого, мелкого „головлевского“ быта. Неужели это так необходимо для „пушкиноведения“? Достаточно было „констатировать факт“, и незачем выносить на свет Божий тошнотворное свинство. Вообще лучше было бы, если бы редактор ограничился тем, что относится к Пушкину, и отбросил также длинные и скучные описания походов, бесчисленные, никому не ненужные мелочи. <...> Но редактор не решился поступиться ни строчкой драгоценного памятника, и понятно почему: он послужил г. Гофману роскошным поприщем для неслыханных комментаторских упражнений».²⁵ «Молодой пушкинианец» Гофман, видимо, колебался в том, стоило ли ему вступать в публичную полемику с «заслуженным пушкиноведом»²⁶ Лернером и отвечать на «клеветнические выходки», по убеждению Гофмана, «подрывающие в глазах многих» его работы (об этом он, в частности, спрашивал совета у академика А. А. Шахматова).²⁷ Гофман написал все же обстоятельный ответ для газеты «День», в нескольких номерах которой П. Е. Щеголев поместил благожелательную рецензию на публикацию «Дневника»,²⁸ но в печати этот ответ так и не появился.²⁹ Гофман предполагал ответить там и на лернеровскую критику академического собрания сочинений Е. А. Боратынского,³⁰ редактирование которого было поручено ему Разрядом изящной словесности Академии наук в конце 1911 г. — также по предложению Модзалевского. Модест Гофман всегда отдавал должное этой беспримерной научной щедрости Модзалевского и полному отсутствию в нем исследовательского эгоизма: «Модзалевского нельзя было не любить, как нельзя было не ценить его как научного работника; он был совершенно лишен честолюбия и так беззаветно и бескорыстно любил русскую литературу, что для него было гораздо важнее, чтобы та или иная работа была вообще сделана, а не сделана обязательно им (выделено Гофманом. — Т. К.)».³¹ Собрание сочинений Боратынского в «Академиче-

²⁵ Лернер Н. Новая работа о Пушкине // Речь. 1915. 8 нояб., № 309. С. 3.

²⁶ Оба определения принадлежат рецензенту «Биржевых ведомостей» (см.: *Онегин*. Пушкинианец // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. 10 нояб., № 15201. С. 3). В справочнике И. Ф. Масанова псевдоним автора статьи раскрыт как принадлежащий А. Ф. Онегину (см.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1957. Т. 2. С. 298). Это упоминание опровергается свидетельством самого А. Ф. Онегина. В одном из альбомов с газетными вырезками о Пушкине, которые владелец парижского пушкинского музея собирал около 40 лет, рядом с подписью «Онегин» под статьей «Пушкинианец» он приписал: «Не А. Ф.» (Puchkiniana. Т. 12. С. 191; онегинское собрание вырезок из газет ныне хранится в Пушкинском кабинете библиотеки ИРЛИ).

²⁷ См. письмо М. Л. Гофмана к А. А. Шахматову от 19 декабря 1915 г. (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — ПФА РАН), ф. 134, оп. 3, № 395, л. 2).

²⁸ См.: *Щеголев П. Е.* Новое о Пушкине. (Любовный быт в пушкинскую эпоху) // День. 1915. 5 нояб., № 305. С. 5; 11 нояб., № 311. С. 4; 20 нояб., № 320. С. 5.

²⁹ Сохранился черновой автограф ответа Гофмана (см.: РО ИРЛИ, р. 1, оп. 5, № 289).

³⁰ *Боратынский Е. А.* Полн. собр. соч. / Под ред. и с прим. М. Л. Гофмана. СПб., 1914—1915. Т. 1—2. Рецензию Н. О. Лернера см.: Вестник Европы. 1914. № 5. С. 348—350. Позднее Лернер написал еще одну язвительную реплику на академическое издание Боратынского (см.: *Метатель бисера*. Боратынский и Дундуки // Журнал журналов. 1916. № 17. С. 15).

³¹ *Гофман М. Л.* По поводу книги «50 лет Пушкинского Дома». С. 274.

ской Библиотеке русских писателей» — первую серьезную работу, доверенную ему Академией в 24 года (что было почетно для начинающего историка литературы), Гофман подготовил под наблюдением Модзалевского и в письмах постоянно информировал своего академического наставника о ходе работы.

Практически все письма Модеста Гофмана, адресованные Б. Л. Модзалевскому, — это письма-отчеты. Почти все они написаны в летнее время, когда корреспондент и его адресат отсутствовали в Петербурге. С 1917 г. в их общении (не только эпистолярном) возникла продолжительная пауза. Об этом периоде биографии Гофмана было известно только то, что годы революции и гражданской войны он провел в Чернигове, сотрудничая в местной печати и продолжая издавать свои работы о Пушкине, Рылееве, Некрасове. Эту лауну восполняют письма-воспоминания Модеста Гофмана, хранящиеся в Париже и достаточно подробно воссоздающие «южные перипетии» его жизни, о которых он сам упоминал в печати предельно скупно и лаконично.³²

Отъезд Гофмана из Петербурга летом 1917 г. спровоцировали события, последовавшие за Февральской революцией, которой сначала все члены семьи, кроме отца, Л. Л. Гофмана, обрадовались, «как бараны» (позднейшее сравнение Модеста Гофмана).

«Сказать, <...> чтобы я был особенно революционно настроен, нельзя, — вспоминал Гофман, — мне чисто эстетически было жаль, что монархии не будет, а когда я услышал речь Ленина на Каменноостровском в особняке Кшесинской (он так громко кричал, что не слышать его было невозможно), то я пришел в самый настоящий ужас. И вообще в 1917 году часто приходилось приходиться в ужас, и становилось — *до* (подчеркнуто Гофманом. — Т. К.) октябрьской революции — страшно за Россию. Я вообще человек аполитичный, но весной 1917 года мне стало ясно, что оставаться аполитичным нельзя, что надо бороться за существование России и что надо примкнуть к лучшей политической партии. Для меня лучшей была кадетская партия: все, что было левее ее, было для меня неприемлемо <...>, все, что правее, для меня было не то что принципиально неприемлемое, а практически бесполезное <...>; и кадеты-то были едва-едва приемлемы, но хотелось надеяться, что у этого порога Россия — революция может остановиться. <Как> <как> в моей душе оставались полусознательные мечты о красивой монархии с большими сомнениями в возможности их осуществления, то меня вполне удовлетворило решение кадетской партии о форме правления: партия, большинство которой было монархично во главе с крайне правым Милоковым (в Париже он из крайне правого кадета превратился в такого крайне левого, что почти перестал быть кадетом), постановила не предрешать этого вопроса и предоставила членам партии свободу быть монархистами или республиканцами. Я часто бывал на заседаниях, почти исключительно дамских (умных, а не умничающих, очень пожилых дам <...>), но главная моя деятельность заключалась в литературе: при кадетской партии образовалась пропагандно-издательская комиссия, председателем которой была назначена бестолковая А. В. Тыркова, а ее помощником — я (<как> <как> она меня почему-то беспричинно не полюбила, то работали мы плохо — она браковала все мои, и притом наиболее удачные брошюры, и, если не ошибаюсь, только одна моя книжечка — „Песни о воле и доле народа“³³ вышла; из-за Тырковой я охладел к делам

³² См., например, в послесловии к его работе «Пропущенные строфы „Евгения Онегина“» (Пушкин и его современники. Пб., 1922. Вып. 33—35. С. 329) и в статье «По поводу книги „50 лет Пушкинского Дома“» (С. 275).

³³ Песни о воле и доле народа. Пг., 1917. Гофман включил в брошюру стихотворения Рылеева, Пушкина, А. И. Одоевского, Языкова, Огарева, Некрасова и написал к ней предисловие.

партии и практически отошел от нее, не выходя официально). Правда, не только отошел, но и уехал». ³⁴

Так начались трехлетние скитания Гофмана по югу России. Летом 1917 г. Гофман с семьей перебрался в Чернигов, поддавшись на уговоры Вадима Модзалевского. По его ходатайству, он поступил на службу секретарем Черниговского губернского земельного комитета и управы. Об этой своей работе Гофман говорил, что она дала ему «понимание многого, происходившего в России, и прежде всего *неузости* (подчеркнуто Гофманом. — Т. К.) революции». ³⁵ Он стал посещать собрания черниговских кадетов и вскоре занялся организацией антибольшевистской газеты, деньги на которую получил, уезжая из Петрограда, от Н. А. Белоцветова — отца своих учениц. ³⁶ Первый номер газеты «Черниговский край» вышел 17 октября 1917 г. Гофман был не только издателем, но и главным ее сотрудником: писал передовицы и фельетоны, ³⁷ редактировал материалы, держал корректуры, верстал номера, принимал объявления, расшифровывал телеграммы (изредка ему помогал в этом деле Вадим Модзалевский, который формально числился секретарем редакции «Черниговского края»). Через неделю после того, как Гофман наладил выпуск газеты, власть в Петрограде захватили большевики. Рассказ о том, как он повел себя, получив об этом известие, — один из самых запоминающихся эпизодов в воспоминаниях Гофмана, в котором ярко представлен авантюризм его натуры:

«25 октября я получил из „Гаваса“ ³⁸ последнюю телеграмму о том, что они заняты и что в Петербурге утвердилась советская власть. Я сейчас же расшифровал эту телеграмму, очень выигрышную для газеты: газета всегда живет сенсациями, а что же может быть сенсационнее такой новости, которая сразу подымет тираж газеты! Сдал в набор и вернулся в другую комнату писать передовую статью о захвате власти большевиками. Не успел написать и одного слова, как меня озарило: завтра выйдет „Черниговский край“, все узнают об этом страшном событии, и, конечно, местные большевики устроят восстание, пережут всех „буржуев“ и установят советскую власть со всеми ее прелестями, с чекой и проч. В Чернигове никаких войск нет, усмирять восстание некому, а <как> к <как> в это время никаких сообщений с Киевом не было (ни железнодорожного сообщения, ни даже газеты не приходили), то и Украинская Центральная Рада не узнает об этом, да и не сможет прислать для усмирения никакого войска. И тут мне пришло в голову принять ответственнойшее и опаснейшее решение, за которое я чуть не заплатил жизнью: не допустить в Чернигове, а значит, во всей Украине (п<отому> ч<то> такие вещи мгновенно перебрасываются с одного места на

³⁴ Из воспоминаний М. Л. Гофмана.

³⁵ Там же.

³⁶ О состоянии Гофмана в первое время пребывания в Чернигове Вадим Модзалевский сообщил в Петроград своему старшему брату: «Модя еще влечется обратно. Объясняется это тем, что пока он еще устроился не совсем; занятия его служебные <...> дают всего 3000 р<ублей>, чего, конечно, мало. Но я имею полную надежду достать ему работы еще. Волнуют его еще книги, которые не высланы из Петрограда, не выяснен вопрос с дальнейшей отсрочкой, уроками, газетой, которую он тут затевает, и т. д. — и он немного скулит» (РО ИРЛИ, ф. 184, письмо Вад. Л. Модзалевского к Б. Л. Модзалевскому от 20 августа 1917 г.).

³⁷ Часть фельетонов Гофман издал отдельными брошюрами: «Поэзия К. Ф. Рыльева» (Чернигов, 1917) и «Пушкин: Его общественно-политические взгляды и настроения» (Чернигов, 1918).

³⁸ Гавас (Agence Navas) — международное информационное агентство, основанное в Париже Ш. Гавасом в 1835 г. (существовало до 1940 г.).

другое) большевистской революции, и для этого скрыть полученное мною известие (никто не мог узнать о перевороте без „Черниговского края“ — единственной информации). И вот я откладываю на четверть часа писание передовицы, составляю подложную телеграмму (что-то вроде следующей: „*Провал большевиков* (выделено Гофманом. — Т. К.). Петербург, 25 октября (Гавас). Сегодня большевики сделали попытку захватить власть. После кровопролитных боев на улицах Петрограда войска, верные Временному правительству, подавили восстание. Спокойствие в городе восстановлено. Производятся обыски среди большевиков“), бегу в типографию к наборщику, который успел уже набрать верную телеграмму, тут же рву ее на мелкие кусочки и говорю наборщику: „Я сейчас получил телеграмму, опровергающую сведения, находящиеся в набранной Вами фальсифицированной телеграмме; наберите вместо нее эту“ — и даю мой придуманный текст. После этого звоню по телефону Д. И. Дорошенке (он был чем-то вроде губернатора <...>) и говорю ему о том, что получил последнюю телеграмму о захвате власти большевиками. „Да, я знаю: я сегодня говорил по напрямую по поводу с Центральной Радой, и мне сообщили об этом“ (конечно, соврал, как я скоро в этом убедился <...>). Я ему сказал, что решил не печатать эту телеграмму и вообще скрыть это известие. Он рассыпался в благодарностях мне <...>. Переговорив с Дорошенко, я сел за стол и стал писать небольшую передовицу (тему ее я развил на следующий день) — небольшую, п<отому> ч<то> надо было сочинять статьи от „наших корреспондентов“ (!?) о подробностях восстания и его подавления в Петербурге. Целую неделю я обманывал читателей, печатая информацию, придуманную мною; через неделю пришли газеты из Киева — правда стала известна, и мне пришлось идти на попятную, изворачиваясь тем, что редакция была введена в заблуждение агитационно-ложными телеграммами. Но я свое дело сделал: Киев принял меры, и черниговские большевики не рыпались, и только еще сильнее возненавидели меня <...>. Выкрутившись раз, а выкручиваться нетрудно, п<отому> ч<то> у газеты эфемерная жизнь (кто сегодня помнит, что он прочел в газете вчера!), я не утомился и в борьбе с большевиками продолжал обманывать читателя: теперь в своих передовицах я утверждал, что большевики ограничатся Великороссией и не пойдут завоевывать Украину, зная, что они уже приближаются к нам. Утром 17-го января (1918) вышла газета с моей передовицей, в которой я доказывал, что большевики не придут в Чернигов, п<отому> ч<то> им в этом нет никакого смысла и что этот крик только задержит их поход на Киев, а в то время, как в киосках продавалась эта газета, большевики уже заняли Чернигов и поставили свое правительство <...> (надо сказать, что первые большевики были очень мягкие и человечные)».³⁹

В течение 1918 г. газету Гофмана несколько раз закрывали, и он пытался ее возобновлять. Как издатель газеты, он прошел в то время через все опасности, которые возникали при постоянной смене власти на Украине: скрывался от «первых» большевиков за антибольшевистскую пропаганду; получал предупреждения от немцев за антинемецкую направленность газеты; бежал от петлюровцев, которые объявили его «ворогом украинского народу» и приговорили к расстрелу за отказ принять украинское гражданство. При «вторых» большевиках, пришедших после немцев осенью 1918 г., Гофман окончательно закрыл газету и поступил на службу в Совет кооперативных съездов, который на первых порах возглавляли правые (бывшие кадеты). В сферу деятельности Совета входила и просветительная работа — издание газеты и книг, и под его грифом Гофман успел напечатать в 1919 г. к 120-летию Пушкина две

³⁹ Из воспоминаний М. Л. Гофмана.

книги о поэте⁴⁰ и в том же году — книжку о Некрасове.⁴¹ Кроме службы в Совете кооперативных съездов Гофман произносил вступительные слова на лекциях-концертах.

«В это время, — вспоминал он, — была большая мода на концерты-лекции по финансовым соображениям: на концерты был очень высокий налог, который делал бессмысленным устройство концертов, а прибавление вступительного слова-лекции превращало концерт в лекцию с музыкальными иллюстрациями и освобождало вовсе от налога. Я прочел несколько очень вдохновенных слов (особенно удались Чайковский и Римский-Корсаков <...>). Ходил я на концерты с некоторым страхом: вернешься ли домой, или схватят большевики, возьмут в чеку и выведут в расход? Дело в том, что террор, продолжавшийся всю весну, летом принял совершенно неслыханные размеры: началось наступление добровольцев, большевики каждый день хватили заложников и при малейшем успехе добровольцев (а добровольцы определенно отвоевывали Россию и, в частности, Украину), выводили в расход (все лучшие люди в Чернигове уже погибли, и я чувствовал — а м<ожет> б<ыть>, даже больше чем чувствовал, что очередь быть заложником дошла до меня). Я решил бежать из Чернигова — случай мне помог. В Чернигов приехал Л. В. Собинов и дал свой концерт, перед которым я говорил вступительное слово; Надя (Н. Л. Гофман. — Т. К.) аккомпанировала Собинову. Концерт был исключительно удачный, и Собинов был от всего в восторге: и от того, как он пел, и от того, сколько заработал, и от моего вступительного слова, и, наконец, больше всего от аккомпанемента Нади, от ее исключительной музыкальности».⁴²

Прямо на концерте Гофман договорился с Собиновым, что на следующий день уедет с ним в Киев на машине, предоставленной певцу большевиками. Он осуществил свой план и решил оставаться в Киеве до тех пор, пока Чернигов не будет взят добровольцами. Бегство из Чернигова спасло Гофману жизнь (почти сразу после его отъезда в дом пришли большевики, устроили обыск, забрали вещи Гофмана, в том числе и все подготовительные материалы к тому писем Боратынского, увели в ЧК жену и приговорили к расстрелу, от которого ей удалось спастись), но обрекло на злоключения и мучительные скитания по югу России поздней осенью—зимой страшного 1919 г. Он стал свидетелем развала добровольческого движения, с которым связывал серьезные надежды, и повсюду — на переполненных вокзалах и в поездах — встречался с проявлениями жесточайшего террора и зверств большевиков, петлюровцев, белогвардейцев; в Елисаветграде переболел сыпным тифом в тяжелой форме и был на грани смерти. Пока Елисаветград был добровольческим, Гофман сотрудничал в газете и, имея мандат представителя Государственной Книжной палаты на Украине, собирал дворянские библиотеки для Государственного Книжного фонда, а их владельцам выдавал охранные грамоты. С приходом большевиков Гофману снова пришлось бежать в Киев. В январе 1920 г. он, очень изменивший после тифа, тайком, с крестьянским пешим обозом, пробрался в Чернигов, чтобы узнать что-нибудь о семье, и, не задерживаясь там, — пешком, в теплушках, на открытых площадках товарных поездов — через Гомель и Брянск отправился в Смоленск, а потом добрался до Москвы, где жили

⁴⁰ См.: *Гофман М. Л.* Пушкин: Краткий очерк жизни и творчества. Чернигов, 1919; Стихотворения Александра Пушкина / Под ред., со вступ. статьей и прим. М. Л. Гофмана. Чернигов, 1919.

⁴¹ См.: *Гофман М. Л.* Деревня в произведениях Некрасова. Чернигов, 1919.

⁴² Из воспоминаний М. Л. Гофмана.

родственники и где никто не знал о его контрреволюционной деятельности на Украине.

5 апреля 1920 г. Модест Гофман, наконец, вернулся в Петроград; на следующий же день он пришел в Академию наук к Модзалевскому, и уже 13 апреля Борис Львович сделал запись в своем академическом ежедневнике: «Гофман начал службу. Ночует он у меня».⁴³ Модзалевский сразу же предложил своему молодому коллеге место ученого хранителя рукописей в Пушкинском Доме, в котором к тому времени было сосредоточено более 30000 документов. Вскоре Гофман фактически принял должность заведующего Рукописным отделением и — после Н. А. Котляревского и Б. Л. Модзалевского — стал третьим лицом в Пушкинском Доме. Как вспоминал Гофман, он устроился «в пять минут»:

«Мне сейчас же выправили бумаги: так как у меня не было никаких документов, то Академия предложила мне дать о себе какие угодно сведения, которые она засвидетельствует, начиная с подложного имени (на случай, если до Петербурга дойдут сведения и слухи о моих похождениях; слухи — и преувеличенные — действительно доходили <...>). Я решил, что фамилию менять опасно; <...> поэтому я дал о себе совершенно верные сведения, кроме того, что прибавил себе два года: мне было в это время 33 года, я поставил 35,⁴⁴ чтобы не быть призванным в красную армию⁴⁵ (призывали до 35-ти лет); сейчас же мне выдали хлебные карточки <...> и стали хлопотать об ученом пайке, который я очень скоро и получил⁴⁶ (единственный прекрасный паек, по которому выдавали не только хлеб и селедки, но и настоящую табак, <...> и мыло, и проч., и проч., даже то, что во всех вызывало такую жгучую зависть — шоколад <...>). Служб (а значит, и пайков) у меня прибавлялось каждый день: я стал заведывать (sic! — Т. К.) литературными кружками (это была мода) что-то в семи красноармейских частях; <служил> товарищем председателя культурно-просветительного отдела при штабе Петроградского военного округа, преподавателем школы второй ступени, составленной из б<ывшего> Тенишевского училища и гимназии Таганцевой, позже — преподавателем Агрономического института и профессором Петроградского губернского института народного образования; затем был командирован в качестве представителя Академии при разборе сейфов, затем Б. Л. Модзалевский уступил мне свое место секретаря Комиссии по изданию сочинений Пушкина и проч., и проч. <...> Заведывание литературными кружками сводилось к утомительным путешествиям по заросшим травой улицам Петербурга за жидкими пайками (хлеб, немного сахару, немного соли, селедки, немного крупы, чаю, махорки). Приходишь в полк (на другой конец города), и старый кружковец-красноармеец докладывает: „Так что сегодня занятия не будет, не могу собрать товарищей красноармейцев (начальство пропагандировало кружки, а красноармейцы их саботировали), пойдите в цейхгауз получить паек“; нагружаешь мешок, взваливаешь его на спину и идешь домой или в другую часть,

⁴³ РО ИРЛИ, ф. 184 (записная книжка Б. Л. Модзалевского 1920—1928 гг., л. 2 об.). См. также отпуск служебной записки Модзалевского в Правление РАН от 14 апреля 1920 г. и копию академического удостоверения М. Л. Гофмана, выданного 16 апреля 1920 г. (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 3, л. 116—117).

⁴⁴ См., например, списки сотрудников Пушкинского Дома и анкету Гофмана, где указано, что он родился в 1885 г. (а не в 1887 г.): ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 4, л. 1, 12.

⁴⁵ Удостоверение, освобождающее Гофмана «от призыва и отбывания воинской повинности», было выдано ему 19 апреля 1920 г. (см.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 3, л. 120, 124).

⁴⁶ См.: Там же, л. 118.

где повторяется то же самое. Работа в клубе при начальнике штаба была более нервной; и у меня иногда бывало впечатление, что я хожу по веревке над пропастью: мы — председателем был, конечно, коммунист, членами — коммунисты и антикоммунисты, — выработывали для заведывающих (sic! — Т. К.) кружками в красноармейских частях инструкции; я составлял инструкции, в которых запрещал заведывающим заниматься политической пропагандой (<...> когда я говорил об этом, коммунисты на меня смотрели <...> так, точно хотели съест меня); начинают говорить о моей контрреволюционности — я подойду к пропасти и начинаю отходить: „необходимо запретить политику, поэтому <то> большинство заведывающих контрреволюционеры и под видом коммунистической пропаганды будут заниматься черносотенной агитацией“».⁴⁷

Отношение Гофмана к новой власти, которое он не скрывал в близком кругу, его недавнее «контрреволюционное» прошлое, между прочим, получило отзвук и в обращенном к нему дружеском посвящении младшего коллеги — Б. И. Коплана, также хранителя рукописей, который, как утверждал М. Д. Беляев, находился под «сильным влиянием» Гофмана. Стихи были сочинены ко дню рождения Гофмана в 1921 г.:

Чтоб начертить в один присест
Стихи на случай, нужно ль много?
Нет — лишь бы улеглась тревога,
А там — пиши: привет, Модест,
Тебе от младшего собрата!
Хоть для тебя уж нет возврата
К беспечной юности, но ты,
Ты не прогнал еще мечты,
Животворящие легенды;
Ты не отвык еще в тиши
Внимать волнениям души,
Встречать урочные календы,
Благословляя их приход;
Ты не забыл тетради нот,
Подаренной тебе Каменной,
Еще клянешься Ипокреной
И чтить еще священный грот.
Что ж больше? Кажется, довольно!
Живешь ты юношески вольно;
Ты — правоверный пушкинист;
Дух времени тебя не сгубит,
И уж наверно не полюбит
Тебя двуличный коммунист.
Тебя... Но с Ангелом когда же
Поздравлю я? Учтивый он,
Твой Ангел! «Вот уж, вот уж, — скажет, —
Неисправимый ветрогон!»
Прости! Ведь дело поправимо:
Привет — мой первый будет стих.
Отменных доблестей твоих
Пройти мне не хотелось мимо.⁴⁸

На первых порах многочисленные «службы» отвлекали Гофмана от академического присутствия, и ему не однажды приходилось выслушивать «робкие и слезливые», по его словам, упреки Модзалевского: «Вы опять, Модя, опоздали — уже почти 12 часов дня» (служба в Академии начиналась в 10). Впрочем, скоро академические обя-

⁴⁷ Из воспоминаний М. Л. Гофмана.

⁴⁸ РО ИРЛИ, ф. 184 (письмо Б. И. Коплана к Б. Л. Модзалевскому от 30 июня 1921 г.).

занности поглотили все его время. Неутомимая и многообразная деятельность Гофмана в Пушкинском Доме за два с небольшим года (до отъезда в Париж) практически не отражена в публикуемых письмах, что понятно (он все время рядом с Модзалевским). Но имя Модеста Гофмана постоянно встречается в академическом ежедневнике Модзалевского по самым разным поводам: это и совместная работа по подготовке четырехтомника Пушкина и сочинений Дельвига для «Издательства З. И. Гржебина», и выступления Гофмана на открытых научных заседаниях Пушкинского Дома, и строительные хлопоты, и постоянные командировки за архивами — в Москву и подмосковные усадьбы. В июне—июле 1920 г. Гофман организовал, в частности, доставку из подмосковного имения княгини А. М. Козловской и из ее московской квартиры ценнейшего архива и замечательной по подбору редких книг библиотеки ее отца — М. Н. Лонгинова.⁴⁹

Весной 1919 г. Пушкинскому Дому, коллекции которого с момента основания располагались в Академии наук на Университетской набережной, было предоставлено здание Архива бывшего Таможенного департамента, по соседству с Библиотекой Академии наук (Тифлисская ул., д. 1), а через год, летом 1920 г., особняк князя С. С. Абамелек-Лазарева на улице Халтурина (современный адрес: Миллионная ул., д. 22), где можно было устраивать выставки и открытые научные заседания.⁵⁰

Здание на Тифлисской улице, где в пореволюционные годы находилась хлебная биржа, было «в столь плачевном виде», что М. Д. Беляев «в шутку называл его моделью домика Инзова после землетрясения» и добавлял, что «затем втиснуть Пушкинский Дом в эти далеко не живописные развалины, безусловно, была одной из самых неудачных идей Бориса Львовича», который «отчего-то был фанатически предан ей».⁵¹ С новыми адресами Пушкинского Дома оказалась связанной и «домашняя» жизнь самого Гофмана. В ноябре 1920 г., задолго до переезда Пушкинского Дома на Тифлисскую улицу, его семье была выделена небольшая служебная квартирка в этом здании — «для охраны и приведения в порядок научного имущества Пушкинского Дома», как значилось в официальном ходатайстве.⁵²

«Жить там было очень неудобно, — вспоминал Гофман, — т<ак> к<ак> там были хлебные амбары, то крыс была такая тьма, что у нас бегали по квартире, как по своей, и откусили прислуге нос; хорошо еще, что было тепло, п<отому> ч<то> нам выдали для осушки дров такую массу (а дрова в это время были громадной ценностью, и всех посылали вылавливать дрова; на этой работе простудился, заболел и умер академик А. А. Шахматов, после чего ученых освободили от этой повинности), <...> что мы не только не стеснясь топили, но и перевезли на другую квартиру».⁵³

Уже к осени 1921 г. он переселился в один из корпусов дома Абамелек-Лазаревых (наб. Мойки, д. 21, кв. 3) — в том числе и для «организации там работ».

⁴⁹ Об этих командировках Гофмана см. письмо 29.

⁵⁰ См.: Пушкинский Дом при Российской Академии Наук: Исторический очерк и путеводитель. Л., 1924. С. 25, 31; Яковлев Н. В. Из воспоминаний о Пушкинском Доме // Звезда. 1969. № 8. С. 170—172; Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 293—298.

⁵¹ РО ИРЛИ, р. 1, оп. 2, № 394, л. 38 (Беляев М. Д. Пушкинский Дом и его первые обитатели).

⁵² См.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 3, л. 249.

⁵³ Из воспоминаний М. Л. Гофмана.

«Владельцы этого прекрасного особняка уехали за границу, оставив дом и все вещи в доме на попечение управляющего — Ф. М. Галки, — вспоминал Гофман. — Галка, чтобы спасти дом от реквизиции, пришел к нам в Пушкинский Дом и просил взять себе этот дом; я без труда выхлопотал этот дом для П<ушкинского> Дома и за это получил лучшую квартиру в доме».⁵⁴

Воспоминания Гофмана проясняют также важный эпизод в биографии Модзалевского и самого Гофмана конца 1920—1921 гг. и позволяют прокомментировать две записки А. А. Дунина-Борковского, сохранившиеся в архиве Модзалевского. Одна из них относится к 26 апреля 1921 г.; другая, недатированная, написана второпях, карандашом, на небольшом листе бумаги: «Многоуважаемый Борис Львович, писал 2 раза М. Л. Гофману, что работы мною производятся в Горфинотделе по вторн<икам>, четв<ергам> и субб<отам>, как и прежде. Очень было бы необходимо Ваше присутствие во вторник, т<ак> к<ак> получено из Москвы от Замнаркомпроса т. Покровского отношение о том, что все литературные (подчеркнуто автором. — Т. К.) материалы, находящиеся в сейфах, подлежат пересылке в Москву в его адрес. Ввиду сего в Горфинотделе бьют тревогу и просят представителя Ак<адемии> Н<аук> пожаловать туда. Буду Вас ждать».⁵⁵ С 4 декабря 1920 г. Б. Л. Модзалевский был полномочным представителем Академии наук в «Особой комиссии по разбору ценностей и документов, изъятых из сейфов б<ывших> частных банков г. Петрограда».⁵⁶ В конце января 1921 г. он тяжело заболел, и его полномочия перешли Гофману. Позднейший рассказ Гофмана о работе в этой Комиссии — единственное и, безусловно, достоверное свидетельство участника этой достаточно опасной и рискованной деятельности:

«Вскоре после октябрьской революции банки были национализированы и обезличены: наскоро были изъяты деньги и драгоценности, а все остальное было свалено во двор Государственного банка в общей куче; в 1920 году решили пересмотреть содержимое сейфов, и образована была комиссия из представителей рабоче-крестьянской инспекции (могут оказаться документы, которые помогут выловить контрреволюционеров), комитета по охране памятников старины и искусства и Академии Наук (могут оказаться литературные и научные материалы), и решено было пересмотреть все и разложить по „депо“. Состав комиссии был очень пестрый: были ярые коммунисты (как представитель рабоче-крестьянской инспекции), были ярые контрреволюционеры (как Дунин-Борковский, представитель комитета по охране памятников искусства и старины). Представителем Академии Наук был сперва Модзалевский, потом он передал мне свое представительство, и я два раза в неделю ходил на разборку сейфов. По распоряжению правительства мы обязаны были все отбираемое класть каждый в свое „депо“, которое будет доставлено по принадлежности по окончании всей работы,⁵⁷ но т<ак> к<ак> мы с Модзалевским не особенно доверяли этому обещанию (и были правы — „депо“ Академии было отправлено в Москву,⁵⁸ которая обнаружила недо-

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ РО ИРЛИ, ф. 184 (письмо А. А. Дунина-Борковского к Б. Л. Модзалевскому после 12 сентября 1921 г.).

⁵⁶ Сохранилось удостоверение Б. Л. Модзалевского (см.: РО ИРЛИ, ф. 184).

⁵⁷ «Правила для руководства по разбору документов личного характера, изъятых из сейфов бывших частных банков г. Петрограда», утвержденные 21 декабря 1920 г., см.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 2, л. 189—190.

⁵⁸ В делопроизводственном фонде Пушкинского Дома сохранились краткие описи документов личного характера, отобранных Особой комиссией с 20 декабря 1920 г. по 19 мая 1921 г. из сейфов Волжско-Камского, Сибирского банков и банка «Лионский

статок многих материалов, которые должны были находиться в сейфах, П<ушкинский> Дом испытал много неприятностей и отчасти из-за этого был разгромлен, и многие сотрудники были сосланы), то мы решили, что все наиболее интересное или в литературном отношении, или в политическом (т. е. то, что могло подвести собственников сейфов под расстрел), я буду потихоньку (с риском, что при выходе из банка меня обыщут и арестуют) приносить в П<ушкинский> Дом. Я никогда не возвращался <без рукописей> в П<ушкинский> Дом, п<отому> ч<то> находок у меня было много (м<ежду> п<рочим>: неизданные дневники вдовы Достоевского Анны Григорьевны, письма русских и французских писателей, коллекция марок — по-видимому, неполная, государя, очень интересная; письма государя к Трепову перед подписанием манифеста 17 октября; 9 января — после Гапоновской истории и проч.; была еще одна находка, о которой я могу рассказать, но не решаюсь доверить бумаге)⁵⁹.

Одну из названных Гофманом банковских «находок» удалось идентифицировать: это рукопись, которую он называет «дневниками» вдовы Достоевского. Известно, что в ноябре 1921 г. в соответствии с распоряжением правительства (о нем и идет речь в записке Дунина-Борковского) Гохран передал из Петрограда в Москву «ящик из белой жести» с рукописями Ф. М. Достоевского и материалами А. Г. Достоевской. В описи содержимого этого ящика не значится ни ее дневников, ни ее воспоминаний.⁶⁰ Эти рукописи, сначала определенные на хранение в Централхив, ныне находятся в Российском государственном архиве литературы и искусства. Там же хранятся сейчас и две тетради дневника Достоевской за 1867 г., которые М. Н. Покровский привез в Централхив из Тифлиса в 1922 г.⁶¹ В учетных документах Рукописного отдела Пушкинского Дома, естественно, нет никаких сведений о поступлении в 1921 г. документов А. Г. Достоевской из Горфинотдела или сейфов бывших частных банков. Однако рукопись жены писателя все же осталась в Пушкинском Доме, и Гофман даже опубликовал ее. В 1922 г. в сборнике, подготовленном А. С. Долининым, были напечатаны «Воспоминания А. Г. Достоевской», относящиеся к 1871—1872 гг., с пометой: «сообщил М. Л. Гофман» и нейтральным объяснением происхождения рукописи: «Приведенные выше отрывки из воспоминаний А. Г. Достоевской о Ф. М. Достоевском составляют три разрозненных тетрадошки ее записок, *случайно* (выделено нами. — Т. К.) попавших в Пушкинский Дом при Российской Академии наук и предполагаемых к опубликованию полностью в отдельном издании».⁶² Это, действительно, тетрадошки малого формата и небольшого объема,⁶³ которые легко можно было спрятать в кар-

кредит» и «подлежащих хранению и передаче» Главархиву, Экспертной комиссии и Академии наук (см.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 2, л. 147—204). Как следует из этих описей, в «депо» Академии наук было отложено содержимое 77 сейфов, но в Академию эти документы так и не были переданы. В соответствии с распоряжением правительства в ноябре 1921 г. они были отправлены в Главархив.

⁵⁹ Из воспоминаний М. Л. Гофмана. Письма Николая II к Д. Ф. Трепову были изъяты из Пушкинского Дома в ходе следствия по «академическому делу».

⁶⁰ См.: Документы по истории литературы и общественной. Вып. 1. Новые записные тетради Ф. М. Достоевского. М., 1922. С. III—VIII.

⁶¹ См.: Н. Б. Архив Ф. М. Достоевского // Архивное дело. 1925. Вып. 2. С. 78, 84. — Авт.: Н. Ф. Бельчиков; Описание рукописей Ф. М. Достоевского / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957. С. 9—10.

⁶² Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Пб., 1922. С. 500.

⁶³ См.: РО ИРЛИ, № 29592, 29595, 29596. Гофман напечатал две последние рукописи. Первая из указанных рукописей А. Г. Достоевской, озаглавленная «Мои воспоминания» и датированная 16 июля 1910 г., в начале 1923 г. по предложению Б. Л. Мод-

манах брюк или костюма и незаметно вынести, а потом, в Пушкинском Доме, «растворить» среди других материалов А. Г. Достоевской, поступивших в декабре 1920 г. и ноябре 1921 г., — что и сделали Модзалевский и Гофман. По другому свидетельству Гофмана, Модзалевский принимал также на хранение архивы и рукописи, за хранение которых их владельцы «могли бы поплатиться жизнью».⁶⁴ В приведенном фрагменте воспоминаний «о сейфах» Гофман высказал свое предположение о том, что обнаруживший при передаче в Москву «недостаток» литературных материалов «отчасти» послужил причиной разгрома Пушкинского Дома. Здесь идет речь о печально известном «академическом деле», начатом в конце 1929 г., когда Гофман был в эмиграции, а Б. Л. Модзалевского уже не было в живых, и на них не обрушились репрессии. «Бывшему Пушкинскому Дому» (в 1930 г. его переименовали в Институт новой литературы) тогда было официально предъявлено обвинение, что он «под видом работы над историко-литературными материалами развил прямую контрреволюционную, вредительскую деятельность», а его руководству инкриминировалось «сокрытие архивов ПК (вероятно, Петербургского комитета — Т. К.) РСДРП за 1906 г., ЦК меньшевиков, ЦК кадетов, архивов Лаврова, Струве, Водозова», «связок различных царских документов» — «с прямыми контрреволюционными целями».⁶⁵ Знать бы, о какой «находке» в сейфах Модест Гофман не захотел написать своей корреспондентке!

Истосковавшийся за время отсутствия в Петрограде по научной и литературной работе, Гофман много и азартно писал. Его всегдашняя работоспособность не изменяла ему. В суровой бытовой и социальной реальности начала 1920-х гг. он ощущал себя очень счастливым человеком, утверждая позднее, что «легкость, безопасность и удачливость 1920 года уже больше никогда не возвращались».⁶⁶ Гофман печатался в академическом издании «Пушкин и его современники», Госиздате, в частных изданиях «Атеней» и «Картонный домик», заключил договоры с «Издательством З. И. Гржебина» на издания Жуковского, Батюшкова и Боратынского со своими вступительными очерками.

Однако приоритетным направлением научных интересов Гофмана стало изучение рукописей Пушкина. В академической анкете 1921 г. в графе: «Разработкой какого вопроса занят в настоящее время» — Гофман указал: «Установление канонического текста сочинений Пушкина».⁶⁷ Необходимость «очищения» текстов Пушкина от редакторского произвола и фронтального изучения рукописного фонда поэта Гофман осознал (и писал об этом Модзалевскому) еще в 1916 г., когда начал подготовку текста «Евгения Онегина» для академического издания сочинений Пушкина.⁶⁸ В пореволюционное время Гофман стремился утвердить одним из основных направлений в деятельности Пушкинского Дома разработку текстологических проблем, наряду с собирательской, выставочной и публикаторской работой. В апреле 1920 г. он был введен в Комиссию по изданию сочинений Пушкина, которая существовала при Академии

залевского была подготовлена к публикации харьковским исследователем Г. В. Прохоровым (Гофман в это время был уже в Париже) и появилась в другом сборнике о Достоевском (см.: Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долиннина. Л.; М., 1924. Сб. 2. С. 285—302. — На обл.: Л., 1925). «Легенда» этой рукописи изложена в преамбуле к публикации следующим образом: «Отрывки эти летом 1921 года попали в Пушкинский Дом вместе с деловыми бумагами Анны Григорьевны» (С. 285).

⁶⁴ Гофман М. Л. По поводу истории академического издания сочинений Пушкина. С. 282.

⁶⁵ Литературное наследство. М., 1931. Т. 1. С. 2—3.

⁶⁶ Из воспоминаний М. Л. Гофмана.

⁶⁷ ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 4, л. 12.

⁶⁸ См. письмо 27.

наук с 1901 г., в качестве научного сотрудника 1-го разряда и члена-секретаря.⁶⁹ 20 декабря 1920 г. Гофман подал в Комиссию записку, содержание которой представляет сегодня не только исторический интерес:

«В заседаниях Комиссии по изданию сочинений Пушкина неоднократно высказывалось опасение, что при том медленном темпе, каким идет издание сочинений Пушкина (с 1898 г.), и при той разнородной работе различных редакторов, к выходу последних томов первые томы издания окажутся устаревшими, и потребуются пересмотр и переработка всего издания. В частности, уже в 1916 году в Комиссии возник вопрос о необходимости не простого переиздания, но и пересмотра первых двух томов академического издания сочинений Пушкина. Эти опасения и предположения Комиссии, а также и другие факты (например, самая возможность появления недопустимого с научной точки зрения издания сочинений Пушкина под редакцией В. Я. Брюсова) свидетельствуют о том, что до сих пор нет канонического текста Пушкина — главного предмета работ Комиссии — и по моему скромному, но глубокому убеждению такой канонический текст сочинений Пушкина и не может появиться прежде методического и всестороннего изучения рукописей поэта. Между тем то, что должно бы лежать в основе всякого издания — исследование рукописей, — до сих пор носило спорадический, а порой и случайный характер, и мы до сих пор не располагаем даже описанием рукописей Пушкина. Единственным исключением является описание В. Е. Якушкина, но 1) оно касается только рукописей Пушкина, хранящихся в Румянцевском Музее, 2) оно весьма и весьма неполно и 3) оно нуждается в исправлении весьма значительных погрешностей. Каждому исследователю, работающему над текстом Пушкина, приходится встречаться с этим большим пробелом — с отсутствием полного описания всех рукописей поэта, являющимся тормозом при работе, и глубокая уверенность в необходимости такого описания и желание посылить помочь дорогому мне делу изучения и установления канонического текста сочинений Пушкина дают мне смелость обратиться в Комиссию с предложением исполнить для Комиссии эту работу по описанию всех рукописей Пушкина. По приблизительному плану работ описание всех рукописей Пушкина потребует для себя 3 тома по 40—50 печатных листов: 1-ый том — рукописи Румянцевского музея, 2-ой том — рукописи Публичной Библиотеки, рукописного отделения (Библиотеки Академии наук. — Т. К.) и Пушкинского Дома Российской Академии Наук (включая сюда и парижское собрание А. Ф. Онегина-Отто), 3-й том — рукописи прочих музеев и книгохранилищ.

Ввиду того, что поставленная мною методическая задача описания рукописей Пушкина потребует большого и постоянного напряжения и займет значительное время, я предполагал бы немедленно приняться за осуществление предлагаемого мною плана, невзирая на бумажно-типографский кризис.⁷⁰

Приступил ли Гофман к этой работе, неизвестно (6 декабря 1921 г. он был исключен из списков научных сотрудников Комиссии по изданию сочинений Пушкина «за уничтожением штатов Комиссии»⁷¹). В начале 1922 г. вышла двумя изданиями книга Гофмана «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине», посвященная вопросам установления «канонического текста» и «последней воли» автора. В среде пушкинистов она сразу же вызвала резкую полемическую реакцию. Тем не менее один из самых жестких критиков текстологических принципов Гофмана Б. В. Томашевский позднее

⁶⁹ См.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 3, л. 117; оп. 1 (1920), № 4, л. 12, 14.

⁷⁰ РО ИРЛИ, р. I, оп. 5, № 287 (черновой автограф).

⁷¹ ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1921), № 9, л. 86.

утверждал, что «новая литература по текстологии начинается с работ Модеста Гофмана».⁷²

Полемика вокруг «Первой главы науки о Пушкине» и «Пропущенных строф „Евгения Онегина“» (33—35-й том «Пушкина и его современников» с этой работой Гофмана был отпечатан в июне 1922 г.) разворачивалась уже без участия автора. В июле 1922 г. он отправился в научную командировку в Париж — для возобновления договора Академии наук с хранителем Пушкинского музея А. Ф. Онегиным. Вряд ли сам Гофман мог тогда предположить, что его успешная и стремительная академическая карьера прервется и он не вернется в Россию. История его пребывания в Париже, заключение нового договора с Онегиным, сложные переговоры с Академией наук о собственной судьбе отражены в письмах к Б. Л. Модзалевскому 1922—1926 гг., которые составят вторую часть публикации.

В первую часть публикации вошли письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому за 1904—1921 гг. (ответные письма Модзалевского не сохранились). Письма Гофмана (кроме письма 29) печатаются по автографам, хранящимся в архиве Модзалевских (РО ИРЛИ, ф. 184); письмо 29 хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в составе делопроизводственных документов Пушкинского Дома за 1917—1926 гг. (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 84—85). Орфография и пунктуация приведены в соответствии с современной нормой.

За помощь в подготовке публикации и предоставление материалов из фонда Модзалевских выражаем сердечную признательность Л. К. Хитрово, которая в настоящее время осуществляет научно-техническую обработку и описание этого фонда.

1

8 (21) ноября 1904 г. Петербург

Петербург.
8 Ноября 1904 г.
1 Кадетский корпус.

Многоуважаемый Борис Львович,

обращаюсь к Вам с большою и, по всей вероятности, неудобно исполнимою по причине хлопотливости ее просьбою... Неудобно и стыдно писать... (Говорить же было бы еще неудобнее, почему я и не пошел сам просить Вас).. Видите ли... так сказать.... вообще.... я... буду... писать до некоторой... степени... нечто вроде реферата по русской истории, под названием: «Боярская дума в древней Руси» по Ключевскому¹ и Сергеевичу² и.. так как... и пр.... я..... Не могу... Вздохну и тогда приступлю вновь. В прошлом году для занятий по русской литературе (к которой я питаю, можно сказать, до некоторой степени, родственные чувства) ходил в Императорскую Публичную библиотеку, что хотел делать и теперь. Но судьба сулила иное: начальство, усмотрев в этом преступление против нравственности и

⁷² Толмашевский Б. Издания стихотворных текстов // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 1055. Там же (С. 1055—1060) см. оценку основных текстологических положений Гофмана.

справедливо беспокоясь, что голова вскружится и ум за разум зайдет, не дало разрешения, которого я чаял, как движения воды. А тут еще реферат.... Еще вздох.... Прослышал я, что можно, если... и т. д., брать книги в библиотеке Академии Наук.... а потому, зная.... Ваше... так сказать.... хотел Вас просить..... мне... билет..... Стыдно! И еще не все! Сестра моя, Вера,³ просила.... замолвить, по родственному моему к ней чувству, словечко..... Мне стыдно.. Я краснею.. Закрываю рукавом рубашки лицо..... Простите, Борис Львович!.....

Как здоровье Нины Львовны,⁴ ее мужа⁵ и младенца,⁶ имя же рек.. не знаю. Имеете ли какие-нибудь вести от Н. М. Микешина,⁷ и не собирается ли Тамара Львовна⁸ ехать в Харбин.⁹ Передайте, пожалуйста, всем Вашим мой нижайший поклон.

Вельми-Уважающий Вас и пр<очее>.

Модест.

¹ *Ключевский Василий Осипович* (1841—1911) — историк, академик (с 1900 г.), автор фундаментальных трудов по русской историографии, истории крепостного права, сословий, финансов. Докторская диссертация Ключевского «Боярская дума Древней Руси» была опубликована отдельным изданием в 1881 г.

² *Сергеевич Василий Иванович* (1832—1910) — юрист, профессор Московского и Петербургского университетов, глава государственной юридической школы в России, автор фундаментальных трудов по истории права (в том числе «Древностей русского права», «Лекций и исследований по древней истории русского права», которые выдержали несколько изданий).

³ Речь идет о старшей сестре М. Гофмана — Вере Людвиговне (в замуж. фон Кнорринг).

⁴ *Энкель Нина Львовна* (1884—?) — младшая сестра Б. Л. Модзалевского, воспитанница Мариинского института (выпуск 1901 г.); с 1904 г. замужем за М. А. Энकेлом. Судя по домашней переписке Модзалевских, в октябре 1904 г. все Энкели были больны, особенно тяжело болел М. А. Энкель.

⁵ *Энкель Михаил Александрович* (1881—не ранее 1936) — инженер-технолог, выпускник Технологического института в Петербурге.

⁶ *Энкель Татьяна* (1904—не ранее 1920) — дочь М. А. и Н. Л. Энкелей.

⁷ *Микешин Борис Михайлович* (1873—1937) (у Гофмана описка или ошибка в написании имени) — скульптор и художник; сын скульптора М. О. Микешина, муж Т. Л. Модзалевской. Не имел специального художественного образования; в 1893—1906 гг. работал банковским служащим. Начало творческой деятельности Б. М. Микешина волею случая оказалось связанным с Б. Л. Модзалевским, которого он называл «братом» и «самым близким своим другом». Можно не сомневаться в том, что именно он (как «шурин») упоминается в рассказе Микешина: «В 1904 году, роюсь как-то в отцовском наследии, я нашел кусочек воска и попробовал вылепить барельеф-профиль моего шурина. Когда у меня получилось некоторое сходство, я несказанно был удивлен и обрадован. Сейчас же попробовал еще и еще. Работа меня так захватила, что я начал отдавать ей все свободное время» (цит. по: *Северюхин Д. Я., Лейкинц О. Л.* Художники русской эмиграции (1917—1941). СПб., 1994. С. 327). В 1904 г. он получил первую премию в конкурсе на памятник «Русским воинам, доблестно павшим при штурмах крепости Карс в 1828, 1855 и 1877 гг.» (установлен в 1910 г.). Б. Л. Модзалевский, сообщая матери о том, что Микешина призвали на русско-японскую войну, в частности, писал: «Боря бодрится, но и у него скребут кошки на сердце; жаль ему и того, что не успел закончить памятники, и его 3-х мес<ячны> груды пропадают даром. <...> Бедный Борька, мне его оч<ень> жалко, так жалко, точно я сам иду на войну. Очень я его люблю» (РО ИРЛИ, ф. 184, письмо Б. Л. Модзалевского к А. И. Модзалевской от 23 июня 1904 г.). Вспомнив Микешин создал памятники «Генерал-адъютанту К. П. фон Кауфману и войскам, покорившим Среднюю Азию» (установлен в Ташкенте в 1908 г.), М. Ю. Лермонтову на месте дуэли в

Пятигорске (открыт в 1915 г.) и перед Николаевским кавалерийским училищем в Петербурге (установлен в 1916 г.). Участвовал в создании храма «Спас на водах» в память моряков, погибших в русско-японскую войну (освящен в 1911 г.). В апреле 1917 г. стал учредителем петроградского Союза скульпторов-художников. В 1921 г. эмигрировал в Финляндию, откуда в 1924 г. переехал в Америку (умер в Нью-Йорке).

⁸ *Микешина Тамара Львовна* (1877—?) — младшая сестра Б. Л. Модзалевского, воспитанница Марининского института (выпуск 1895 г.); с 1901 г. замужем за Б. М. Микешиним.

⁹ В июне 1904 г. Б. М. Микешина призвали в действующую армию (он участвовал в боевых действиях в составе 88 пехотного Петровского корпуса, входившего в 22 дивизию). Был ранен в сражении под Ляояном, которое произошло 11—21 августа 1904 г. После лечения в госпитале Микешин в конце октября 1904 г. был назначен заведующим складом при штабе округа Маньчжурской армии, который был расквартирован в Харбине. 2 ноября Тамара Львовна получила вызов, который позволял ей выехать к мужу, и вскоре отправилась на Дальний Восток (она добралась до Харбина 26 декабря 1904 г.). (Сведения о Б. М. Микешине периода русско-японской войны выявлены по семейной переписке Модзалевских.)

2

15 (28) ноября 1904 г. Петербург

Петербург.
15 Ноября 904 г.

Многоуважаемый Борис Львович,

большое-большое Вам спасибо за Ключевского и Сергеевича. Я такое наглое послал Вам письмо, что никак не ожидал, что Вы будете так любезны, добры, что пришлете сами нужные мне книги, спасибо! Не ответил Вам сразу потому, что собирался пойти к Вам и поблагодарить лично, но так и не собрался: шесть дней сиюз взаперти в корпусе,¹ в субботу вечером — концерт Зилоти,² воскресенье днем к доктору, остальное же время не выхожу из дома, да и не знал, бываете ли Вы по воскресеньям в Петербурге. Сегодня понедельник, и предстоит в корпусе провести целую неделю, целую вечность... Сегодня показывал нашему преподавателю истории (г. Приселков³) книги и на днях начну работать — хотел бы увлечься, тем более, что тема очень интересная, но с корпусным режимом остается очень мало свободного времени при условии вечного ничегонеделания: строй, занятия и пр<очее>, а на чтение, на занятие посторонним делом нет ни минуты (за исключением 1½ часов — от 5½ до 6 ч<асов>). Был в среду у Григорович.⁴ Павел Семенович накануне встал после болезни. Часто получаем это время письма от Севы.⁵ Скорей бы, скорее бы кончилась эта семикратно проклятая, подлая война!

Желаю вам многи лета здравствовать, низко кланяюсь Вам и всем Вашим. Сестра (Надежда)⁶ передает свой привет.

Искренно и глубоко уважающий Вас

М. Гофман.

Что Борис Михайлович?!

¹ Имеется в виду 1-й Кадетский корпус.

² *Зилоти Александр Ильич* (1863—1945) — пианист и дирижер, выпускник Московской консерватории (1882), учился у Н. С. Зверева, Н. Г. Рубинштейна и П. И. Чайковского; совершенствовался в Веймаре под руководством Ф. Листа. С успехом концертировал в Германии, Бельгии, Франции, Англии, Америке. С 1900 г. жил в России. В 1903—1913 гг. организовал в Петербурге ежегодные циклы симфонических и камерных концертов, в которых выступал как дирижер и пианист. Концерт, о котором пишет Гофман, состоялся в зале Дворянского собрания 13 ноября. В нем, в частности, прозвучали Симфония № 3 А. К. Глазунова (под управлением автора) и впервые были исполнены А. Зилоти 10 прелюдий для фортепиано С. В. Рахманинова (соч. 23) (см.: С.-Петербург. Концерты А. Зилоти. Программы концертов за десять сезонов (1903/1904—1912/1913). СПб., 1913). В 1922 г. Зилоти эмигрировал (умер в Нью-Йорке).

³ *Приселков Михаил Дмитриевич* (1881—1941) — историк, источниковед, исследователь летописей. Выпускник Петербургского университета (1903); до революции преподавал в 1-м Кадетском корпусе, императорском Александровском лицее, Психоневрологическом институте и др.: приват-доцент (1907—1917) и профессор (1918, 1936—1941) Петербургского (Ленинградского) университета. В 1920-е гг. работал в историко-бытовом отделе Русского музея.

⁴ *Григоровичи* — общие знакомые Модзалевских и Гофманов. В частности, в одном из писем из Киева Вадим Львович Модзалевский сообщал о совместной с М. Гофманом поездке к Григоровичам, «где наслаждались музыкой» (РО ИРЛИ, ф. 184, письмо В. Л. Модзалевского к Б. Л. Модзалевскому от 30 марта 1904 г.).

⁵ *Гофман Всеволод Людвигович* — старший брат М. Л. Гофмана; военный инженер, однокашник Вадима Львовича Модзалевского (см. прим. 3 к письму 8) по Николаевскому инженерному училищу, по окончании которого в 1902 г. был прикомандирован к 1-му Полтавскому батальону; служил офицером-воспитателем в 1-м Кадетском корпусе, в 1-й Восточно-Сибирской саперной батарее; Свеаборгской крепостной минной роте. Участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах (на последней попал в плен). После 1917 г. его служебная деятельность была связана с Москвой (по воспоминаниям М. Гофмана, в 1919—1920 гг. он служил во 2-й инженерной дистанции и жил в Лефортове). Умер во время Отечественной войны.

⁶ *Гофман (в замуж. Наумова) Надежда Людвиговна* — сестра М. Л. Гофмана, пианистка, выпускница Петербургской консерватории. В 1901—1917 гг. служила преподавателем музыки в Петербургском Александровском институте (умерла в Ленинграде в начале 1930-х гг.).

⁷ Речь идет о Б. М. Микешине. См. прим. 7, 9 к письму 1.

3

16 (29) декабря 1904 г. Петербург

Петербург.

16 Декабря 904 г.

Простите, пожалуйста, глубокоуважаемый Борис Львович, что только теперь возвращаю Вам Сергеевича и Ключевского; дело в том, что я был сильно болен, да и теперь не совсем здоров, — по крайней мере, настолько, что приходится сидеть дома, — кашлять, охать, ахать, «вздыхать из глубины души», ныть и ничего не делать. По этой причине не могу прийти к Вам и излить чувства благодарности, волнующие мою душу. Как поживают все Ваши? Тамара Львовна не уехала еще к Борису Михайловичу и нет ли каких-нибудь вестей от него?¹ Как здоровье Нины Львовны и ее мужа?² Передайте, пожалуйста, Александре Ивановне³ и всем Вашим мой привет. Хотел

бы зайти как-нибудь, да все нездоров, а теперь, как поправлюсь, думаю удрать в Крым к брату Вячеславу.⁴ Всеволод⁵ (кстати, от Всеволода Львовича⁶ нет никаких известий?) был долгое время в Харбине (теперь прислал телеграмму из Мукдена); странно, что он там не встречал Бориса Михайловича!

До свидания. Надежда⁷ кланяется Вам.

Искренно преданный Вам

М. Гофман.

¹ См. прим. 7—9 к письму 1.

² См. прим. 4, 5 к письму 1.

³ *Модзалевская (урожд. Константинович) Александра Ивановна* (1848—1920) — мать Б. Л. Модзалевского.

⁴ *Гофман Вячеслав Львович* (1882—1965) — старший брат М. Л. Гофмана; морской офицер. С 1904 г. служил в 10-м Балтийском флотском экипаже; в 1913 г. был зачислен в корпус гидрографов штабс-капитаном (позднее — капитаном) со званием гидрографа; в 1915 г. переведен во флот старшим лейтенантом. В 1917 г. служил на Черноморском флоте в звании капитана 2-го ранга; вероятно, в ноябре 1920 г. покинул Крым вместе с остатками Русской армии под командованием барона П. Н. Врангеля и оказался в Константинополе; в самом начале 1920-х гг. (не позднее сентября 1922 г.) переехал в Париж. Был женат вторым браком на Людмиле Николаевне, урожд. Оглоблинской. Его парижский адрес значится в адресной книге А. Ф. Онегина (см.: РО ИРЛИ, № 29313, л. 18 об.).

⁵ Речь идет о Всеволоде Гофмане. См. прим. 5 к письму 2.

⁶ *Модзалевский Всеволод Львович* (1879—1936) — младший брат Б. Л. Модзалевского; морской офицер, участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах. Закончил Морской кадетский корпус (1898). С июля 1904 г. служил на броненосце «Орел» в составе 2-й Тихоокеанской эскадры. 15 мая 1905 г. в бою при Цусиме попал в плен. После освобождения из плена и возвращения в Россию был предан суду, но оправдан в январе 1907 г. (подробно см.: *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1912. Т. 3. С. 819—820; Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб., 2001. С. 242—243). Сотрудничал в «Кронштадтском вестнике» (специальные переводы с итальянского) и «Русском биографическом словаре» (статья о Ф. Ф. Радецком). Умер в Ленинграде в должности капитана Главсевморпути.

⁷ Имеется в виду Н. Л. Гофман. См. прим. 6 к письму 2.

4

7 (20) ноября 1907 г. Петербург

Петербург.
7. XI. 1907.

Глубокоуважаемый и дорогой Борис Львович, простите, что обращаюсь к Вам с вечною своей просьбой — не достанете ли мне (и оставите в Академии — зайду за ними) следующие книги:

Пыпина: История русской этнографии, т. I—II.¹

Афанасьева: Поэтические воззрения славян на природу, 3 ч.²

Толстого и Кондакова: Русские древности, 6-ой выпуск.³

Еще раз простите.

Ваш Модест Гофман.

¹ Имеется в виду исследование А. Н. Пыпина «История русской этнографии» (В 4 т. СПб., 1890—1892. Т. 1—2: Общий обзор изучений народности и этнография великорусская).

² Имеется в виду исследование А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (В 3 т. М., 1865—1869).

³ Имеется в виду исследование И. И. Толстого и Н. П. Кондакова «Русские древности в памятниках искусства» (В 6 вып. СПб., 1889—1899).

5

До 17 (30) ноября 1909 г. Петербург

Дорогой Борис Львович,

с большим спасибо возвращаю Вам взятые мною книги. Простите, что на день запоздал — был вчера очень занят (и болен). Вместе с тем обращаюсь к Вам с огромною просьбой — «не имамы другия помощи». Не могли бы взять для меня из Академической библиотеки V и VI тт. Кондаковских «Русских древностей»¹ — продержу их до 28 ноября (экзамен по древнерусскому искусству). Если бы Вы могли это сделать — я зашел бы за ними в 11 часов во вторник (17-го) в Академию и принес бы благодарственные чувства Вам.

XI. 1909.

Модест Гофман.

¹ См. прим. 3 к письму 4.

6

6 (19) августа 1910 г. Петербург¹

Ждите меня, дорогой Борис Львович, завтра утром.² Модест.

Адрес: Вас<ильевский> Ост<ров>.

Вторая лин<ия>, 52.

Модзалевскому.

¹ Телеграмма (подана в 16 часов 53 минуты).

² Одной из возможных причин визита, о котором Гофман предупреждал телеграммой, могло быть его желание преподнести Б. Л. Модзалевскому только что вышедший сборник своих стихов «Гимны и оды». Книга была написана под сильным впечатлением от поездки в Грецию, которую М. Гофман совершил по окончании университета летом 1910 г. (в составе группы под руководством профессора Петербургского университета, известного филолога-классика Ф. Ф. Зелинского). По собственному признанию Гофмана, этой «книжечкой», в которой он предпринял попытку передать «разные античные строфы по-русски», он «не мог не похвастаться перед Вячеславом Ивановым» и сразу же по выходе преподнес ему со следующей дарительной надписью: «В день Преображения Господня 6 августа 1910 года». Это посещение Гофманом «башни» Вячеслава Иванова стало последним — в тот день Иванов неожиданно для Гофмана разорвал с ним отношения (см.: *Гофман М. Л.* Петербургские воспоминания // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. Кн. 43. С. 132—133). Неизвестно, посетил ли Гофман Модзалевского, как планировал, на следующий день — 7 августа (во всяком

случае, экземпляр «Гимнов и од» с дарительной надписью Модзалевскому помечен 10 сентября 1910 г. — см.: Библиотека ИРЛИ, шифр: 1935а / 1157).

7

8 июня (26 мая ст. ст.) 1911 г. Венеция

Венеция.¹
8. VI. 1911.

Шлю привет Вам и всем Вашим, дорогой Борис Львович, из чудесной Венеции. Скоро думаю ехать в Рим, а там — на итальянские озера и в Высокую Савойю.

Модест Гофман.

Адрес: Е<го> В<ысокоблагородию>
Борису Львовичу Модзалевскому.
2-ая линия, д. 51.
Вас<ильевский> Остр<ов>. Петербург.
Petersburg. Russie.

¹ Написано на открытке с видом Венеции.

8

16 (3 ст. ст.) июля 1911 г. Черноббио

Cernobbio.¹
16. VI. 1911.

Дорогой Борис Львович, вернувшись на озера после очень удавшейся поездки в Милан, шлю Вам и всем Вашим свой привет. Радуюсь, что скоро наступит время Вашего отпуска и, следовательно, отдыха, так необходимого. Я немного работаю, однако больше и чаще — far niente мой закон.²

Модест Гофман.

Не знаю адреса Вади³ — целую его.

Адрес: Е<го> В<ысокоблагородию>
Борису Львовичу Модзалевскому.
Вас<ильевский> Остр<ов>. 2 линия, д. 51.
Петербург.
Petersburg. Russie.

¹ Написано на открытке с репродукцией «Тайной вечери» Леонардо да Винчи. Причиной итальянского путешествия М. Гофмана летом 1911 г. стало, по его собственному признанию, «громадное и неземное» чувство: с весны он был влюблен в М. Г. Баклер-Фогт <?> — классную даму и преподавательницу рисования в гимназии

Э. П. Шаффе, где он также преподавал после окончания университета. «Когда <я> узнал, куда поедет на лето Маруся Баклер-Фогт <?>, — писал позднее Гофман, — решил туда же ехать и как будто случайно встретиться. Она везла свою умиравшую от туберкулеза сестру за границу — сперва в Segno (на озеро Como, недалеко от Милана), потом в Швейцарию, <...> и я всюду там же оказывался. Сказать, что я влюбился в нее, будет неверно; это было гораздо больше: я не влюбился, а полюбил и, может быть, так, как никого в жизни. <...> Мы с ней много ходили по Комо и по горам, вместе бывали в Милане, все — и горы, и картины — я с нею гораздо лучше и глубже переживал» (из воспоминаний М. Л. Гофмана). Воспоминания об итальянском лете 1911 г. послужили основой автобиографического рассказа Гофмана «Обреченная» (см.: Иллюстрированная Россия. Париж, 1929. № 9. С. 1—6).

² Скрытая цитата из «Евгения Онегина»: «*Il far niente* мой закон» (глава первая, строфа LV); *il far niente* (итал.) — ничегонеделание, праздность.

³ *Модзалевский Вадим Львович* (1882—1920) — младший брат Б. Л. Модзалевского. Закончил 1-й Кадетский корпус в Петербурге (1899) и Николаевское инженерное училище (1902), по окончании которого был направлен в 14-й саперный батальон, расквартированный в Киеве. В 1907—1910 гг. состоял в должности сверхштатного офицера-воспитателя 1-го Кадетского корпуса в Петербурге. С 1901 г. Вад. Л. Модзалевский сотрудничал в «Русском биографическом словаре», в 1904—1906 гг. — в журнале «Киевская старина»; состоял членом Черниговской (с 1903 г.) и Полтавской (с 1904 г.) губернских ученых архивных комиссий. По выходе в отставку в 1911 г. переехал в Чернигов, где целиком посвятил себя историческим, источниковедческим и генеалогическим исследованиям, итогом которых стал его главный труд «Малороссийский родословник» (В 4 т. Киев, 1908—1914). В апреле 1918 г. переехал в Киев, заведовал архивно-библиотечным отделом Министерства просвещения в правительстве гетмана П. П. Скоропадского; летом 1918 г. под руководством академика В. И. Вернадского составлял проект устава Академии наук Украины (более подробные сведения см.: *Толстов В. В.* К юбилею В. Л. Модзалевского // *Известия Русского генеалогического общества.* СПб., 1995. Вып. 4. С. 44—51). События 1917—1918 гг. разлучили М. Гофмана и Вадима Модзалевского. Они разошлись идеологически, и об этом разрыве Гофман, который называл Вадима Львовича своим «любимым другом», с горечью вспоминал много лет спустя: «Он стал настоящим украинским сепаратистом, „ширым“ украинцем, и мы с ним заговорили на разных языках» (из воспоминаний М. Л. Гофмана).

9

22 января (3 февраля) 1912 г. Конккала

Конккала (близ Выборга).¹
22. I. 1912.

Дорогой и глубокоуважаемый Борис Львович, шлю Вам, Варваре Николаевне² и детям свой привет из подневольного отшельничества. Когда будете писать Ваде,³ передайте, пожалуйста, ему мой поцелуй и спасибо за письмо — не мог ему ни писать,⁴ ни послать книгу⁵ по случаю болезни, да и адреса его не знаю.

Модест Гофман.

Адрес: Е<го> В<ысокоблагородию>
Борису Львовичу Модзалевскому.
Имп<ераторская> Академия Наук
у Дворцового моста.

Вас<ильевский> Остр<ов>.
Петербург.

¹ Написано на открытке с видом санатория в Конккале. «В феврале 1912 года я простудился и очень устал и поехал на месяц поправляться в финляндскую санаторию Конккала, где отчаянно мерз» (из воспоминаний М. Л. Гофмана).

² *Модзалевская (урожд. Гувениус, в первом браке Висковатова) Варвара Николаевна* (1871—1937) — вторая жена Б. Л. Модзалевского (с 1910 г.). В 1915—1926 гг. работала в Пушкинском Доме.

³ Речь идет о Вадиме Л. Модзалевском. См. прим. 3 к письму 8.

⁴ Долгое молчание М. Гофмана вынуждало Вадима Модзалевского постоянно запрашивать о нем старшего брата: «На Модю страшно зол, т<ак> к<ак> не отвечает на мое письмо»; «Нет ли известий о Гофмане? Он молчит на мои письма» (РО ИРЛИ, ф. 184, письма В. Л. Модзалевского к Б. Л. Модзалевскому от 31 января и 18 февраля 1912 г.).

⁵ 25 декабря 1911 г. Вадим Модзалевский писал Борису Львовичу: «Если увидишь Модю, то передай ему о моем страстном желании получить поскорей метрическую книгу» (РО ИРЛИ, ф. 184, письмо В. Л. Модзалевского к Б. Л. Модзалевскому от 25 декабря 1911 г.). Видимо, здесь идет речь о некоем источнике (или копии с него), необходимом Вадиму Львовичу для его генеалогических изысканий.

10

13 июля (30 июня ст. ст.) 1912 г. Госсенсасс

Gossensass.¹
13. 7. 12.

Дорогой Борис Львович, шлю свой сердечный привет Вам, Варваре Николаевне² и детям. Работаю вовсю — в августе будет готов к печати I том.³ Здесь очень хорошо.

Модест Гофман.

Адрес: Russland. Petersburg.
Петербург. Вас<ильевский> Остр<ов>.
Е<го> В<ысоко>б<лагородию>
Борису Львовичу Модзалевскому.
Канцелярия Конференции
Импер<аторской> Академии Наук.

¹ Написано на открытке с видом курорта Госсенсасс в Тироле. По воспоминаниям М. Гофмана, летние месяцы 1912 г., свободные от преподавания в гимназии, он должен был посвятить подготовке издания сочинений Боратынского, и в этой связи «тосковал», что не удастся поехать за границу. Сестра Надежда (о ней см. прим. 6 к письму 2) посоветовала ему «ехать, взяв с собой секретаря, и уговорила взять в качестве такового ее любимую ученицу, окончившую в этом году Смольный институт, Женю Филиппову». Последняя с радостью приняла предложение Гофмана, которое позволило ей не только увидеть Швейцарию и Италию, но еще получать ежемесячное жалованье. Впоследствии Гофман написал о Жене Филипповой рассказ «Ну» (см.: Иллюстрированная Россия. Париж, 1927. № 47. С. 1—7).

² В. Н. Модзалевская.

³ Речь идет о I-м томе Полного собрания сочинений Е. А. Боратынского, к работе над которым Гофман приступил весной 1912 г. Как вспоминал много лет спустя сам

Гофман, подготовка этого издания первоначально была поручена Ю. Н. Верховскому, но так как тот пропустил все назначенные сроки, редактирование было передано Гофману. В предисловии «От редактора» к 1-му тому Гофман с благодарностью упоминал Верховского, который получил от потомков поэта и перевез на временное хранение в Архив Академии наук Казанский, Татевский архивы и архив имени Мара, где сохранились наиболее важные автографы и копии сочинений Боратынского (см.: *Боратынский Е. А.* Полн. собр. соч. / Под ред. и с прим. М. Л. Гофмана. СПб., 1914. Т. 1. С. XV (Сер. «Академическая Библиотека русских писателей»; Вып. 10); *Верховский Ю. Н.* Отчет о поездке летом 1908 года // Известия императорской Академии наук. VI серия. 1908. № 16. С. 1202—1210). Главной задачей изданий, выходящих в «Академической Библиотеке», объявлялось «установление текста» писателей-классиков; биографическое введение и очерк творческой деятельности признавались «желательными, как и статьи и заметки, в которых был бы использован научный материал, относящийся к истории жизни и творчества данного автора» (*Боратынский Е. А.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. XI). По издательскому плану в первый том вошла лирика Боратынского, во второй — поэмы и проза. Для произведений, имеющих несколько редакций, Гофман принимал в качестве основной первоначальную публикацию; позднейшие редакции он помещал вне основного корпуса, а варианты приводил в примечаниях, наряду со сведениями по истории текстов и их источниках (см.: Там же. С. XIII). Подобный принцип выбора основного текста вызвал серьезные возражения (см.: *Филиппович П.* Об академическом издании стихотворений Е. А. Боратынского // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 3. С. 182—203; 1916. № 4. С. 317—328). Впоследствии Гофман отказался от подобного подхода к выбору основного текста, в том числе и в позднейшем, подготовленном им издании Боратынского (см.: *Боратынский Е. А.* Избранные сочинения. Берлин; СПб.; М., 1922).

11

1 августа (19 июля ст. ст.) 1912 г. Рива

Riva.¹
I.VIII. 1912.

Дорогой Борис Львович, пишу Вам на радостях, что установил текст и переписал 236 стихотворений, 8 поэм, 151 письмо и 21 перевод² Баратынского и теперь, поработавши порядочно, буду последнюю неделю за границей отдыхать. Здесь очень хорошо, хотя за работой я почти и не разглядел Lago di Garda, а завтра покидаю его для Милана, Швейцарии и... Петербурга. Варваре Николаевне³ и детям Вашим шлю привет большой-пребольшой.

Модест Гофман.

Адрес: Russland. Petersburg.
Петербург. Вас<ильевский> Остров.
Его Высокоблагородию
Борису Львовичу Модзалевскому.
Канцелярия Конференции
Имп<ераторской> Академии Наук.

¹ Написано на открытке с видом Ривы — курортного городка в южном Тироле, на живописном берегу озера Гарда. «Из Gossensass'a мы (т. е. М. Гофман и Ж. Филиппова, см. прим. 1 к письму 10. — Т. К.) поехали на lago di Garda, в Риву. Я поехал на lago di Garda, п<отому> ч<то> слышал о нем очень много восторгов, но оно мне

совсем не понравилось (нельзя сравнивать ни с Como, ни с Lugano), и в особенности Riva, в которой я отчаянно скучал и едва выдержал три недели (не надо было уезжать из Тироля). Единственное впечатление, которое у меня сохранилось в памяти от Ривы, это — страшная гроза, которую мы там пережили: гроза была такая, и молнии такие сильные и частые, что одно время они были без перерыва, и казалось, что огненная завеса спускалась с неба; трудно вообразить себе, что делалось с животными: лошади, коровы, собаки носились, как сумасшедшие, и кричали. <...> Через несколько дней (а м<ожет> б<ыть>, даже на следующий день) мы уехали из Ривы, которая мне опротивела. Сели на пароход, чтобы переехать lago di Garda и отправиться оттуда в милый Милан» (из воспоминаний М. Л. Гофмана).

² Сохранилась небольшая часть подготовительных материалов Гофмана к изданию Боратынского, которая представляет собой краткий деловой дневник 1912—1913 гг., содержащий сведения о рукописных и печатных источниках текстов поэта и точно фиксирующий хронологию их переписывания для академического издания (см.: РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 73, 74). Эти рабочие материалы из архива Гофмана, в частности, свидетельствуют о том, что в своих сообщениях Модзалевскому он не лукавил: в продолжение июля—августа 1912 г. сделаны отметки о переписывании 150 писем Боратынского (Там же, № 74). О ходе работы над изданием Боратынского М. Гофман писал в кратком отчете, поданном в 1914 г. на кафедре истории русского языка и словесности Петербургского университета, где он был оставлен для подготовки к магистерским экзаменам: «К осени 1912 г. был мною приготовлен вчерне весь текст поэта, и в течение зимы 1912—1913 г. мне удалось закончить примечания к 1 тому и собрать большое количество писем поэта, из которых только самая незначительная часть (приблизительно $\frac{1}{8}$) была напечатана в собраниях сочинений Боратынского» (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 1126, л. 1—1 об.). Первые два тома сочинений Боратынского вышли в 1914—1915 гг.; о судьбе, постигшей том писем, Гофман вспоминал позднее: «Обширнейшая переписка Боратынского, собранная мною и на $\frac{5}{6}$ не изданная, была сожжена большевиками в Чернигове вместе со всеми моими черновыми материалами при обыске в 1919 году, а т<ак> к<ак> в это же время был расстрелян внук поэта А. Н. Боратынский (рассказ о последних днях А. Н. Боратынского — многолетнего предводителя дворянства, члена Государственной думы, педагога и просветителя, расстрелянного большевиками в Казани 19 сентября 1918 г., см.: *Боратынская (Алексеева) Ксения*. Начало конца: Страницы воспоминаний // Юность. 1990. № 10. С. 76—81. — Т. К.) и сожжен его Казанский архив и архив Мары, то важнейшие материалы по пушкинской эпохе навсегда и безвозвратно погибли и больше уже никогда не восстановимы» (из воспоминаний М. Л. Гофмана). Вернувшись из Чернигова, Гофман предпринимал попытки разыскать семейный архив Боратынских. Осенью 1920 г. помощник старшего библиотекаря Библиотеки Академии наук Н. А. Пилкина, командированная в Казань, посетила по просьбе Гофмана Е. Н. Боратынскую, внучку поэта. «При этом оказалось, — писала она в докладной записке 5 ноября 1920 г., — что часть материалов архива была передана уже раньше для Академии наук Ю. Верховскому (см. прим. 3 к письму 10. — Т. К.), а все оставшееся в семье погибло в имени (видимо, речь идет об имени Шушары в 22 верстах от Казани. — Т. К.) во время революции» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 144). О судьбе архива Боратынских см. также прим. 5 к письму 29.

Наиболее полное собрание писем поэта (307 номеров) см. в новейшем издании: Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. 1800—1844 / Сост. А. М. Песков. М., 1998.

³ В. Н. Модзалевская.

17 (30) мая 1913 г. Петербург

Дорогой Борис Львович,

отошел от телефона и сейчас же пишу Вам. Думаю, что лучше всего будет написать что-нибудь в этом роде: «Предъявитель сего — действительный член Комиссии по изданию „Академической Библиотеки русских писателей“ Модест Людвигович Гофман имеет поручение от Пушкинского Дома собирать материалы, касающиеся Пушкина и поэтов пушкинской эпохи, в чем с согласия Августейшего Председателя Комиссии и дано ему это удостоверение». ¹ Не знаю, может быть, я написал отчаянную чепуху... Желаю Вам хорошего дня, сам же трепещу перед этим страшным — для меня судным днем (экзамен моего любимого первого класса²). Привет и низкий поклон Варваре Николаевне. ³

17. V. 1913.

Модест Гофман.

¹ Летом 1913 г. М. Гофман ездил в Псковскую и Тверскую губернии, откуда привез для Пушкинского Дома ряд ценных документов (см. об этом в письмах 14—18).

² Возможно, здесь идет речь о классе в Реформатском училище, где Гофман преподавал в 1911—1914 гг.: «Я взял первый класс (единственный случай, когда я преподавал в маленьком классе — мальчики были очень хорошие, и мы с ними прекрасно и дружно работали — через год весь класс писал без единой ошибки)» (из воспоминаний М. Л. Гофмана).

³ В. Н. Модзалевская.

12 (25) июня 1913 г. Москва

Москва. ¹
12. VI. 1913.

Дорогой Борис Львович, по-видимому, мне не удастся побывать у Вас до Вашего отъезда, а следовательно, и съездить в Псковскую губ<ернию>: ² вторую неделю слоняюсь без дела по Москве, ожидая ответа гр<афа> Д. С. Шереметева, ³ а письма все нет (причина: неверный адрес, по которому мой отец⁴ писал ему). Привет всем Вашим, когда увидите.

Модест Гофман.

Адрес: Его Высочородию
Борису Львовичу Модзалевскому.
Архив Императорской Академии Наук.
У Дворцового моста. Вас<ильевский> Остр<ов>.
Петербург.

¹ Написано на открытке.

² Поездка М. Гофмана в пушкинские места Псковской губернии, вопреки его опасениям, все-таки состоялась (см. письмо 14).

³ Если Гофман не допустил описки в инициалах, то речь идет о графе *Дмитрии Сергеевиче Шереметеве* (1869—1943) — в то время флигель-адъютанте, полковнике Кавалергардского полка. Но, вероятнее всего, здесь имеется в виду его отец — граф *Сергей Дмитриевич Шереметев* (1844—1918) — член Государственного Совета, археолог и историк, почетный член Академии наук, основатель и председатель Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Александра III и Общества любителей древней письменности, председатель Археографической комиссии (1900—1917). Московский дом Шереметевых находился на Воздвиженке (№ 8), летние месяцы граф проводил в своих подмосковных имениях Кусково, Останкино, Михайловское. В 1898 г. С. Д. Шереметев, женатый на Е. П. Вяземской, приобрел имение князей Вяземских Остафьево (в Подольском уезде Московской губернии) вместе с богатейшим родовым архивом. В мае 1904 г. Б. Л. Модзалевский по ходатайству академической Комиссии для издания сочинений Пушкина ездил в имение графа С. Д. Шереметева Михайловское (Подольского уезда), чтобы ознакомиться с пушкинскими материалами, хранящимися в Остафьевском архиве (об этом см.: *Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина / Изд. подготовили К. П. Богаевская и С. И. Панов. М., 2000. С. 170*). За 12 дней, проведенных тогда в Михайловском, Модзалевский выявил 27 новых писем Пушкина, проверил по подлинникам тексты 127 писем и ряда стихотворений, а также привез в Петербург для сверки В. Е. Якушкиным автографы второй главы «Евгения Онегина», «Графа Нулина», «Записки о народном воспитании» и др. (записка с кратким перечнем сделанного сохранилась в архиве Б. Л. Модзалевского).

⁴ *Гофман Людвиг-Фердинанд Леопольдович* (?—1919) — отец М. Л. Гофмана. Служил при Императорской Главной квартире (в 1905—1915 гг. — в должности делопроизводителя Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества); вышел в отставку в 1916 г. с чином тайного советника. После революции вместе с женой и дочерью Надеждой переехал к М. Л. Гофману в Чернигов, где и умер.

14

22 июня (5 июля) 1913 г. Петербург

Лесной, 22 июня 1913 г.

Дорогой Борис Львович,

вернулся из поездки в Пушкинскую губернию¹ и отдаю Вам отчет в ней. Ездил я очень неудачно в том отношении, что весь день, проведенный мною в коляске, шел отчаянный дождь, вследствие чего мне пришлось заказывать особую коляску с верхом, ждать ее починки, снова чинить в дороге, мокнуть, трястись и т. д. В других отношениях поездка была очень удачна, и книги (которые оказались больше, чем я предполагал) благополучно отправлены в Петербург и, надеюсь, так же благополучно придут.² Старушка Вревская³ была очень мила, но все же у меня не хватило духу просить еще чего-нибудь, хотя и подмывало, хотя бюро и портрет Боратынского⁴ весьма соблазняли меня; думаю, что теперь кто-нибудь другой может.... Заезжал и в Голубово⁵ и видел там и барона⁶ и баронессу:⁷ милы, но портрета Байрона⁸ не дают, желают, чтобы в Голубово приезжали из Петербурга на него любоваться. Лично для себя зато я кое-что достал — Вревский дал мне на прочтение до осени первую большую, неизданную часть дневника Вульфа⁹ (2-ая часть издана

Майковым¹⁰) и некоторые письма Евпраксии Ник<олаевны>,¹¹ Марьи Ив<ановны>,¹² Праск<овьи> Алекс<андровны>¹³ и пр. и разрешил издавать,¹⁴ причем купюры необходимые предоставил моей совести. Просматривал и то и другое и нашел много интересного, особенно в дневнике Вульфа: много о Пушкине (кое-что нового, прибавляющего к биографии Пушкина, факты, писательство, волокитство и т. д.), Дельвигах, Боратынском и т. д. Уже начал переписку, ибо не хочу обманывать Вревского: это не Софья Бор<исовна>,¹⁵ да и важно оправдать доверие, хотя бы ради будущих благ.¹⁶ Переписывать и разбираться мне сейчас между тем весьма затруднительно, так как без всякой видимой причины начал слепнуть, болят глаза, и в десяти шагах ничего не вижу (к несчастью моему, это не риторическая фигура, а буквальный смысл). В понедельник иду со страхом к доктору, но боюсь, что до того времени окончательно ослепну; а тут, как назло, приходится читать корректуру примечаний.¹⁷ Боратынский мой набирается вовсю, и, пожалуй, скоро задержка будет за мной — за очерками,¹⁸ которыми заниматься тем более некогда, что через два-три дня собираюсь в Москву — к гр. Шереметеву.¹⁹ А как Вам живется на даче,²⁰ как живете: летне, отдыхая и полнея, или зимне, согнувшись у письменного стола? Летничайте, дорогой Борис Львович, хорошо и набирайтесь больше сил; приезжайте после лета в двойном объеме, таким, чтобы всем завидно стало. Того же желаю всем вашим и прошу Вас передать мой сердечный привет Варваре Николаевне²¹ и три поцелуя Шуре,²² Левушке²³ и Димочке.²⁴ Вдруг почему-то очень захотелось видеть Вадю²⁵ и говорить с ним: когда будете писать ему, поцелуйте его от меня крепче и, если не трудно, наговорите ему массу всяких хороших вещей, массу, которую я наговорил бы ему.

Ваш Модест Гофман.

¹ В июне 1913 г. М. Гофман посетил села Тригорское, Голубово, Михайловское и Врев Псковской губернии (см. краткий отчет, представленный им в Общее собрание Академии наук 4 июля 1913 г., в журн.: Известия императорской Академии наук. VI серия. 1913. № 16. С. 879—880). Это была его вторая поездка к владельцам «пушкинских» усадеб.

² Речь идет о библиотеке села Тригорского, которой пользовался в свое время Пушкин и которую баронесса С. Б. Вревская пожертвовала Пушкинскому Дому. Первое описание сохранившейся части библиотеки, которую собирало несколько поколений владельцев Тригорского (А. М. Вындомский, П. А. Осипова и Вульфы), сделал Б. Л. Модзалевский, посетивший эти места по приглашению барона А. Б. Вревского в июне 1902 г. (см.: *Модзалевский Б. Л.* Каталог библиотеки села Тригорского // Пушкин и его современники. СПб., 1903. Вып. 1. С. 19—52; в описание включено 352 номера). Е. Н. Вульф, выйдя замуж за барона Б. А. Вревского, перевезла часть тригорских книг в имение Голубово. Голубовская библиотека, постоянно пополнявшаяся Б. А. Вревским (в 1884 г. он составил ее каталог), в начале XX в. насчитывала около 3000 томов и сохранялась в хорошем состоянии. Б. Л. Модзалевскому эта библиотека в 1902 г. оказалась недоступной (см.: Пушкин и его современники. Вып. 1. С. 5—6). В 1910 г. ее просмотрел и описал М. Гофман (см.: Известия императорской Академии наук. VI серия. 1911. № 6. С. 364; Пушкин и его современники. Пг., 1915. Вып. 21—22. С. 291; это описание не сохранилось). В настоящее время книжное собрание села Тригорского хранится в библиотеке ИРЛИ; голубовская же библиотека погибла во время поджога и разграбления усадьбы в феврале 1918 г.

³ *Вревская Софья Борисовна*, баронесса (1839—1920) — четвертая дочь Б. А. и Е. Н. Вревских, внучка П. А. Осиповой. Окончив Екатерининский институт в Петер-

бурге, почти безвыездно жила в родительском Голубове. В 1881 г. по завещанию А. Н. Вульфа унаследовала Тригорское, а в 1913 г. переехала туда и прожила до разгрома имения в середине февраля 1918 г. Умерла в Риге в марте 1920 г. (см.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1921), № 1, л. 46). Ряд сведений о С. Б. Вревской и других потомках Б. А. и Е. Н. Вревских, здесь и далее упоминаемых Гофманом, взят из неопубликованных материалов Н. П. Вревской (1877—1961) (они представляют собой небольшие биографические очерки беллетристического характера, составленные во 2-й половине 1950-х гг. на основе печатных, рукописных источников, собственных воспоминаний и по некоторым изустным сведениям и преданиям — см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 192, л. 416—428). Фрагменты этой работы (под произвольным названием «дневников») напечатал В. Ф. Рожнов по экземпляру, полученному от внуков Н. П. Вревской (см.: Дневник баронессы Н. П. Вревской (фрагменты): По материалам семейного архива Вревских // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2002. Вып. 28. С. 249—270).

⁴ Речь идет о литографированном портрете Е. А. Боратынского работы А. Ф. Тернберга (1828), который был напечатан в количестве 250 экземпляров. В 1935 г. он поступил в Литературный музей Пушкинского Дома от Н. П. Вревской (жены М. С. Вревского — внука Б. А. и Е. Н. Вревских) (см.: А. С. Пушкин и его современники в портретах: Из собраний Пушкинского Дома. СПб., 1999. С. 319).

⁵ Голубово — родовое поместье баронов Вревских в Острковском уезде Псковской губернии, в 18 верстах от Тригорского. Пушкин гостил у Вревских в этом имении в мае и октябре 1835 г. и апреле 1836 г. О первых владельцах Голубова — Евпраксии Николаевне и Борисе Александровиче Вревских — и их общении с Пушкиным см.: *Лобанова Э. Ф.* Культурные связи и семейные традиции баронов Вревских // Усадьба в русской культуре XIX—начала XX веков: Материалы научной конференции. М., 1996. С. 42—56.

⁶ *Вревский Павел Александрович*, барон (?—1917) — внук Б. А. и Е. Н. Вревских. Воспитывался в Пажемском корпусе, по окончании которого вышел в лейб-гвардии Конный полк; состоял адъютантом великого князя Павла Александровича. Оставив военную службу, служил в Департаменте Герольдии, был Варшавским вице-губернатором. В 1910—1917 гг. — владелец Голубова. О П. А. Вревском см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 192, л. 291—301 (см. также прим. 3 к наст. письму).

⁷ *Вревская (урожд. Лопухина) Светлана Николаевна*, баронесса — жена П. А. Вревского. Была почетной владелицей кустарной ткацкой и вышивальной школы во Вреве, в которой исполнялись и столичные заказы на вещи в русском стиле. Благодаря ей уцелел в значительной своей части архив баронов Вревских, который был вывезен в Пушкинский Дом вскоре после смерти П. А. Вревского и накануне гибели родового гнезда Вревских (см. также прим. 16). По свидетельству местных старожилов, «когда пришли зажигать — она тихо оделась и ушла» (цит. по: *Лобанова Э. Ф.* Культурные связи и семейные традиции баронов Вревских. С. 55). Во время разграбления имения скрывалась во Вревской школе, а затем переехала во Псков, где и умерла в нищете. О С. Н. Вревской см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 192, л. 291—301 (см. также прим. 3 к наст. письму).

⁸ Имеется в виду гравированный портрет Байрона (Ч. Турнер по оригиналу В.-Э. Веста), который Пушкин подарил Анне Николаевне Вульф в 1828 г. и для которого по ее просьбе была изготовлена рамка (см. дневниковую запись А. Н. Вульфа от 10 декабря 1828 г. в кн.: Пушкин и его современники. Вып. 21—22. С. 36). В 1913 г. С. Н. Вревская сняла рамку и на оборотной стороне портрета обнаружила надпись: «Présenté par Alexandre Pouchkine à Mlle Annette Wouloff. L'an 1828» (Там же. С. 242; Вып. 19—20. С. 105). Баронесса Вревская и М. Гофман были уверены, что надпись сделана Пушкиным; в действительности она принадлежит руке П. А. Осиповой. В 1917 г. портрет Байрона поступил в Пушкинский Дом; в 1953 г. был передан во Всесоюзный музей А. С. Пушкина в Ленинграде, долгое время экспонировался в Государственном музее-заповеднике «Михайловское» (см.: *Февчук Л. П.* Портреты и судьбы: Из ленинградской Пушкинианы. Л., 1984. С. 186).

⁹ *Вульф Алексей Николаевич* (1805—1881) — сын П. А. Осиповой (от первого брака); воспитанник Дерптского университета, где учился вместе с Н. М. Языковым. В 1829 г. поступил в Гусарский принца Оранского полк; с 1833 г., выйдя в отставку, жил в родовых поместьях Тригорское и Малинники. Близкий приятель Пушкина; особенно тесно они общались в годы Михайловской ссылки поэта, когда Вульф приезжал в Псковскую губернию на каникулы. Их встречи и разговоры в последующие годы

отразились в дневниковых записях Вульфа, которые он вел с перерывами в 1827—1842 гг. Одно из писем П. А. Вревского отчасти проясняет историю бытования рукописи Вульфа в разветвленном семействе Вревских. Отвечая на вопрос Б. Л. Модзалевского о пушкинских автографах, П. А. Вревский писал: «У меня хранятся записки Алексея Николаевича Вульф (sic! — Т. К.), но они уже были напечатаны в „Историческом вестнике“ (в „Русской старине“; см. прим. 10. — Т. К.). Эти записки у меня неполны, я их взял у дяди моего барона Степана Борисовича, другая часть находится у моей тетки баронессы Софии Борисовны, но я не теряю надежду и их получить, и тогда, может быть, Вы мне поможете их издать в полности, конечно, с пропусками, так как много из семейной хроники я бы не хотел предавать гласности» (РО ИРЛИ, ф. 184, письмо П. А. Вревского к Б. Л. Модзалевскому от 20 октября 1902 г.). Летом 1913 г. Гофман получил от Вревских дневник Вульфа за 1828—1831 гг. (судя по всему, именно эта рукопись находилась одно время у С. Б. Вревской). В 1915 г. он напечатал его в монографическом томе «Пушкина и его современников» (Вып. 21—22), целиком основанном на материалах богатейшего архива Вревских. Оригинал дневника Вульфа 1828—1831 гг. с 1917 г. хранится в РО ИРЛИ (ф. 244, оп. 17, № 52).

¹⁰ Отрывки из дневника Вульфа за 1827, 1832—1834, 1836, 1842 гг. впервые напечатал академик Л. Н. Майков, получивший рукопись от Степана Борисовича и Павла Александровича Вревских (см.: Русская старина. 1899. № 3. С. 499—537; № 4. С. 39—52; включено в кн.: *Майков Л. Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки.* СПб., 1899. С. 162—222). Местонахождение этой рукописи неизвестно; возможно, она погибла вместе с библиотекой во время поджога Голубова в 1918 г.

¹¹ *Вревская (урожд. Вульф) Евпраксия Николаевна*, баронесса (1809—1883) — дочь П. А. Осиповой (от первого брака), младшая сестра А. Н. Вульфа; с 1831 г. жена барона Б. А. Вревского (1805—1888). Дружеские отношения Е. Вульф с Пушкиным, которые сложились во время его михайловской ссылки, сохранились между ними до смерти поэта. К ней обращены стихотворные послания Н. М. Языкова («К баронессе Е. Н. Вревской»; 1845) и Пушкина («Если жизнь тебя обманет...»; 1825; «Вот, Зина, вам совет: играйте...»; 1826); под домашним именем Зизи она упомянута в пятой главе «Евгения Онегина» (строфа XXXII). Е. Н. Вревская была единственной, кому Пушкин сообщил о предстоящей дуэли с Дантесом. По устному преданию, которое мог слышать и М. Гофман, С. Б. Вревская сожгла «большую пачку» писем Пушкина к Е. Н. Вревской, завещавшей дочери «никогда и никому не передавать их». Рассказ С. Б. Вревской со слов врача, лечившего ее, записал в 1924 г. Л. П. Гроссман: «О существовании этих писем стало многим известно, и ко мне приезжали различные ученые, прося меня предоставить им эти старые письма великого поэта к давно умершей женщине. Должна сознаться, что эти лица были очень красноречивы и убедительны. Я чувствовала, что решение мое слабеет. И вот, чтоб не поддаться окончательно их уговорам и не нарушить воли матери, я предала всю пачку писем сожжению» (*Гроссман Л. Вокруг Пушкина.* М., 1928. С. 14—15). В комментарии к «Дневнику» А. Н. Вульфа Гофман зафиксировал похожее свидетельство безупречного выполнения последней волеи владелицы Тригорского и воли своей тетки — А. Н. Вульф: «В 1913 году в Псковской губернии ходили упорные слухи, что баронесса С. Б. Вревская, исполняя завещание Анны Николаевны Вульф, сожгла всю ее переписку» (Пушкин и его современники. Вып. 21—22. С. 214).

¹² *Осипова Мария Ивановна* (1820—1896) — дочь П. А. Осиповой (от второго брака); сводная сестра А. Н. Вульфа, А. Н. Вульф, Е. Н. Вревской. К М. И. Осиповой, которую Пушкин знал с детских лет, вероятно, обращено его стихотворение «Я думал, сердце позабыло...» (1835). Вместе с матерью и младшей сестрой Екатериной она присутствовала на погребении Пушкина 6 февраля 1837 г.

¹³ *Осипова (урожд. Видюмская, в первом браке Вульф) Прасковья Александровна* (1781—1859) — мать А. Н. Вульфа, А. Н. Вульф, Е. Н. Вревской, М. И. Осиповой; владелица сел Тригорское и Малинники, соседка Пушкина по Михайловскому, искреннюю и глубокую дружбу с которой он сохранял до конца жизни. П. О. Осиповой посвящен цикл «Подражания Корану» (1824) и стихотворения «Простите, верные дубравы...» (1817), «Цветы последние милей...» (1825) и др.

¹⁴ Фрагменты писем Е. Н. и Б. А. Вревских, М. И. Осиповой к А. Н. Вульфу за 1835—1847 гг., в которых упоминаются Пушкин и его семья, Гофман опубликовал в

статье «Из Пушкинских мест» (Пушкин и его современники. Вып. 19—20. С. 106—116). С 1917 г. все эти документы сохраняются в РО ИРЛИ.

¹⁵ С. Б. Вревская.

¹⁶ В числе «будущих благ» оказались и акварельный портрет работы Н. Шаде, изображающий А. Н. Вульфа в форме Гусарского принца Оранского полка (фототипия с него открывала том с публикацией дневника Вульфа), и новое приглашение «приехать порыться в бумагах голубовской библиотеки» (РО ИРЛИ, ф. 184, письмо П. А. Вревского к Б. Л. Модзалевскому от 4 марта 1915 г.). В мае 1915 г. гостеприимный и щедрый владелец Голубова предоставил в распоряжение Гофмана «комнату с большим комодом красного дерева, наполненным старыми бумагами, и три чердака с книгами и бумагами» (Пушкин и его современники. Вып. 21—22. С. 355) и подарил Пушкинскому Дому автографы Пушкина, его дяди, отца и брата (см.: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1915 год / Сост. академик В. Н. Перетц. Пг., 1915. С. 31). В благодарность за ценное пожертвование для «созидаемого Дома Пушкина» П. А. Вревскому была отправлена бронзовая академическая медаль в память 100-летнего юбилея поэта (см. письмо П. А. Вревского к Б. Л. Модзалевскому от 3 июня 1915 г. и ответное письмо Модзалевского от 17 июня 1915 г.: ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1913), № 42, л. 44, 55). Часть привезенных материалов Гофман напечатал в качестве приложения к публикации дневника Вульфа (см.: Письма Анны Николаевны Вульф к баронессе Е. Н. Вревской и П. А. Осиповой; Из Вревского архива // Пушкин и его современники. Вып. 21—22. С. 311—413; уточнение датировок отдельных писем: *Абрамович С. Л.* Пушкин и Е. Н. Вульф в январе 1837 года // *Временник Пушкинской комиссии.* Л., 1987. Вып. 21. С. 162—164). Ряд документов предполагалось опубликовать во «Временнике Пушкинского Дома на 1915 год», но сборник не вышел по обстоятельствам военного времени. В 1916 г. Гофману не удалось вновь посетить Голубово. «До сих пор не могу себе простить, — вспоминал он в эмиграции сорок лет спустя, — что, получив от молодых Вревских в 1916 г. приглашение приехать в Голубово и забрать найденные ими рукописи Пушкина, я отложил эту поездку до следующего года, а в следующем (революционном) 1917 году эти рукописи Пушкина летели по воздуху, уничтожаемые крестьянами» (*Гофман М. Л.* По поводу книги «50 лет Пушкинского Дома» (1905—1955). С. 275). Барон П. А. Вревский скончался 16 июля 1917 г. В сентябре С. Н. Вревская, встревоженная обстановкой в Опочечском уезде, обратилась в Пушкинский Дом. В конце ноября 1917 г. в Псковскую губернию выехал А. С. Поляков с полномочиями принять родовой архив Вревских, в котором сохранялась и переписка семьи Осиповых-Вульфов (см.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 2, 3). Таким образом, этот архив «в очень критический момент <...> был вывезен в Петербург <...>, можно сказать, накануне его сожжения» (Пушкинский Дом при Российской Академии наук. С. 21; также см.: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук за 1917 год / Сост. академик Н. А. Котляревский. Пг., 1917. С. 8—9; Петроградские ведомости. 1917. 22 окт., № 121. С. 3). Тогда же поступили в Пушкинский Дом портрет Байрона (см. прим. 8), дневник А. Н. Вульфа 1828—1831 гг. (см. прим. 9) и портреты А. Н. Вульфа (маслом, работы А. А. Багаева — в настоящее время в Литературном музее Пушкинского Дома, и акварельный, работы Н. Шаде — в настоящее время во Всероссийском музее А. С. Пушкина) и Е. Н. Вревской (маслом, работы А. А. Багаева — в настоящее время во Всероссийском музее А. С. Пушкина).

¹⁷ Имеются в виду примечания к 1-му тому Полного собрания сочинений Е. А. Боратынского (книга была отпечатана в марте 1914 г.).

¹⁸ М. Гофман предполагал поместить в 1-м томе биографию Боратынского и очерк его поэтической деятельности. Биографическая статья, о работе над которой он пишет также в письмах 16, 18, 19, была напечатана в Полном собрании сочинений (СПб., 1914. Т. 1. С. XVII—XC). Очерк «Лирика Е. А. Боратынского» Гофман опубликовал сначала в «Русской старине» (1914. № 4. С. 68—77; № 5. С. 372—382; № 6. С. 501—513; № 7. С. 39—49; корректурный экземпляр см.: РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 117); а затем отдельным изданием (СПб., 1914). Позже им были написаны работы «Поэмы Е. А. Боратынского» (Русская старина. 1915. № 1. С. 117—146; корректурный экземпляр см.: РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 118) и «Поэзия Боратынского. Историко-литературный этюд» (Пг., 1915). В собрание сочинений Боратынского эти исследования не вошли.

¹⁹ См. прим. 3 к письму 13.

²⁰ Лето 1913 г. Модзалевские проводили в Эстляндской губернии, на берегу Финского залива — в Вайваре (деревня Перьяц) близ Силламяг.

²¹ В. Н. Модзалевская.

²² *Модзалевская Александра Борисовна* (1899—?) — старшая дочь Б. Л. Модзалевского (от первого брака); воспитанница гимназии Е. И. Песковской.

²³ *Модзалевский Лев Борисович* (1902—1948) — старший сын Б. Л. Модзалевского (от первого брака); воспитанник гимназии К. И. Мая. В будущем — историк литературы, археолог и архивист, научная жизнь которого была связана с Архивом Академии наук и Рукописным отделом Пушкинского Дома. В 1933 г. Л. Б. Модзалевский стал первым штатным хранителем Пушкинского рукописного фонда.

²⁴ *Модзалевский Вадим Борисович* (1907—?) — младший сын Б. Л. Модзалевского (от первого брака).

²⁵ В. Л. Модзалевский. См. прим. 3 к письму 8.

15

11 (24) июля 1913 г. Москва

Москва.¹
11. VII. 1913.

Многоуважаемый и дорогой Борис Львович, шлю Вам привет свой, малинниковскими впечатлениями насыщенный. Изездил порядочно Тверскую губернию² и собрал жатву, правда, скромную: несколько автографов (писем Пушкина к П. А. Осиповой³), альбом⁴ и кое-какая мелочь.⁵ Доволен и этим, да и тем, что побывал в любопытных местах, из которых больше всего мне понравились Малинники.⁶ Привет Варваре Николаевне.⁷

Модест Гофман.

Адрес: Его Высокородию
Борису Львовичу Модзалевскому.
Императ<орская> Академия Наук.
У Дворцового моста, на Васильевск<ом> Остр<ове>
в Петербурге.

¹ Написано на открытке.

² Как следует из воспоминаний Гофмана, он оказался в пушкинских местах Тверской губернии по приглашению своей ученицы В. М. Сергеевой, которая проводила лето в селе Курово-Покровское (в Берновском музее хранятся ее воспоминания о жизни в тверских усадьбах Вульфов и Понофидиных в 1913—1916 гг.; см. об этом: Письма М. Н. Понофидины к Б. Л. Модзалевскому. (Б. Л. Модзалевский и Тверской край) / Публ. Т. П. Кочневой // Русская литература. 2003. № 2. С. 163). Это было первое посещение Гофманом «вульфовых» и «понофидинских» поместий. Тогда же состоялось его знакомство с последними владельцами Покровского и Малинников М. Н. и Е. С. Понофидиными (см. письма 18, 19, 26).

³ Речь идет о письмах Пушкина к П. А. Осиповой от 1 августа 1825 г., 4 и 15 сентября 1826 г. (см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 458, 471, 472). Е. С. Понофидина пожертвовала их в Пушкинский Дом в 1916 г.

⁴ Гофман считал, что этот альбом с двумя собственноручными записями Пушкина принадлежал Е. Н. Вревской (см.: *Гофман М. Л.* Из Пушкинских мест // Пушкин и его современники. Вып. 19—20. С. 98—99). В действительности его владелицей была Анна Вульф — старшая сестра Е. Н. Вревской. В 1916 г. Е. С. Понофидина подарила альбом Пушкинскому Дому (совр. шифр: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 211).

⁵ Возможно, в разряд «мелочей» попало и письмо А. А. Дельвига к П. А. Осиповой от 15 сентября 1826 г., в котором он, в частности, сообщал об аудиенции Пушкина у Николая I по возвращении из ссылки. Е. С. Понофидина передала этот документ в Пушкинский Дом в 1916 г. (совр. шифр: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, № 73).

⁶ Малинники — имение в Тверской губернии (в 35 верстах от г. Старицы), которое П. А. Осипова унаследовала по смерти своего первого мужа Н. И. Вульфа. Пушкин гостил здесь по приглашению хозяйки в 1828 г. и 1830 г. В Малинниках он работал над седьмой главой «Евгения Онегина», «Посвящением» к «Полтаве», стихотворениями «Анчар», «Цветок», «Поэт и толпа» и др. Описание Малинников, современное Гофману, оставил председатель Тверской ученой архивной комиссии И. А. Иванов (см.: *Иванов И. А.* О пребывании А. С. Пушкина в Тверской губернии. Тверь, 1899. С. 5—6). О состоянии усадьбы после 1917 г. см.: *Фессалоницкий С. А.* Уголок Пушкина в Старицком уезде в 1923 г. (По материалам экспедиции студентов Тверского педагогического института) // *Материалы Общества изучения Тверского края.* Апрель 1925. Вып. 3. С. 23.

⁷ В. Н. Модзалевская.

16

26 июля (8 августа) 1913 г. Петербург

Лесной, 26 июля 1913 г.

Дорогой Борис Львович, все надеюсь получить от Вас ответ хоть на одно мое письмо, да, видно, так и не дождусь. Будущую среду И. А. Кубасов¹ отправляет Вам мои корректурные листы² (прежде, чем подписывать их к печати), и я присоединяю к сему мою большую просьбу посмотреть и сделать мне побольше и пострже замечаний. Жду с трепетом самого страшного для меня и имеющего серьезное значение — Вашего суда. Жду терпеливо, но трепетно. В настоящее время подготавливаю материалы для биографии³ и ломаю голову в ухищрениях датировать письма Боратынского, не имевшего этого похвального обыкновения (из 300 писем — не больше десятка с датами),⁴ — писать же всякую литературу⁵ буду на той неделе, когда удержу в деревню, где

живее творческие сны.⁶

Буду жить в 20-ти верстах от Малинников (около Старицы)⁷ и порой буду наведываться туда, в Покровское,⁸ в Бернов⁹ (sic! — Т. К.) и пр<очее>. Почем знать? — м<ожет> б<ыть>, удастся еще что-нибудь найти и притащить в Пушкинский Дом. Несколько раз появлялось желание навестить Вас и показать Вам свои находки, но не мог осуществить своего желания, т<ак> к<ак> Вы не дали мне адреса. А хотелось бы увидеть Вас летом, отдыхающего... Привет глубокий Варваре Николаевне,¹⁰ поцелуй детям.

Преданный Вам Модест Гофман.

Ежели б надумали все же послать мне одно слово, то надписывайте мой постоянный адрес: Захарьевская, 17.¹¹

¹ *Кубасов Иван Андреевич* (1875—1937) — историк русской литературы, библиограф и библиофил. В 1906—1920 гг. заведовал книжным складом Академии наук. В 1910-е гг. Кубасов состоял правителем дел Комиссии по изданию «Академической

Библиотеки русских писателей», в которой выходило Полное собрание сочинений Боратынского («Сurriculum vitae» Кубасова, составленную в 1900 г., см.: РО ИРЛИ, ф. 166, оп. 3, № 919, л. 30—31). С 1922 г. Кубасов служил в Пушкинском Доме (хранителем книжных собраний, ученым хранителем); в 1928 г., после смерти Б. Л. Модзалевского, был назначен старшим ученым хранителем. В результате кадровых «чисток», вызванных «академическим делом», был уволен на пенсию в конце 1930 г. Подробнее об И. А. Кубасове см.: *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003 (по именному указателю).

² См. прим. 17 к письму 14.

³ См. прим. 18 к письму 14.

⁴ В 1916 г. Гофман сообщал о том, что «довел до конца приготовление к печати писем Е. А. Боратынского» (Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1916 год / Сост. академик В. Н. Перетц. Пг., 1916. С. 42). О судьбе этой работы Гофмана см. прим. 2 к письму 11.

⁵ Вероятно, имеется в виду библиографический очерк «Отзывы о Боратынском», который был включен в Полное собрание сочинений (Пг., 1915. Т. 2. С. 325—348).

⁶ Стих из «Евгения Онегина» (глава 1, строфа LV).

⁷ Старица — старинный русский город на берегу Волги, основанный в конце XIII в.; с XVIII в. — уездный город Тверской губернии. Пушкин и А. Н. Вульф провели в нем святки 1829 г.

⁸ Покровское (Курово-Покровское) — имение Вульфов—Понофидиных, расположенное в 12 верстах от Малинников. Его получила в качестве приданого Анна Ивановна Вульф (тетка А. Н. Вульфа и Е. Н. Вревской), выходя за Павла Ивановича Понофидина. Пушкин останавливался в Покровском во время пребывания в Старицком уезде. В 1923 г. воспоминания об этих приездах поэта записала со слов А. И. Понофидиной ее внучка — А. Н. Понофидина (см.: Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 2. С. 94—96).

⁹ Берново — самое крупное из тверских поместий Вульфов. В пушкинское время его владельцем был Иван Иванович Вульф (дядя А. Н. Вульфа и Е. Н. Вревской).

¹⁰ В. Н. Модзалевская.

¹¹ До 1916 г. Гофманы жили на казенной квартире при Военно-походной канцелярии (Захарьевская ул., 17, кв. 1); в 1916—1917 гг., по выходе в отставку Л. Л. Гофмана, им была предоставлена другая казенная квартира (Захарьевская ул., 19, кв. 4).

17

27 июля — 2 августа (9—15 августа) 1913 г. Петербург¹

Дорогой Борис Львович, заходил похвастаться. Решил на свои средства ехать в субботу и для того заходил к Вам все разузнать о поездке.

¹ Написано на визитной карточке. Датируется по связи с содержанием писем 16 («несколько раз появлялось желание навестить Вас и показать Вам свои находки») и 18 (3 августа, когда Гофман выехал в Старицу, в 1913 г. приходилось на субботу).

3 (16) августа 1913 г.

В поезде 3 августа 1913 г.

Дорогой Борис Львович, пользуюсь дорожным досугом, чтобы сообщить Вам свой адрес, по каковому и буду просить Вас переслать корректуру Боратынского.¹ Начал писать биографию, добрался до рождения Боратынского и побежал искать вдохновения — плохое дело, значит!² Жить же теперь я буду в Старице, Тверской губернии, на Семеновской улице в доме М. В. Епанечниковой и проживу там, вероятно, до 22 авг<уста>. Хотелось бы заняться собственной поэзией, но счастливая пора прошла. Побываю на днях в Малинниках с одной целью — упрочить отношения — надеяться сейчас получить еще что-нибудь было бы с моей стороны легкомысленно.³ Не говорил ли я Вам, что в Покровском (Понофидинском) хотели пожертвовать в Пушкинский Дом «библиотеку», но я в ответ промолчал, п<отому> ч<то> библиотека крайне разрознена, убога и решительно, или почти решительно, ничего интересного собой не представляет. Как скажете? — если прикажете, то достану ее.⁴ С ужасом за себя и весь мир православный думаю о том, что сегодня уже 3 августа и не могу придумать способа вернуть время. И Вам не долго радовать осталось жителей Силламяг,⁵ не долго испытывать действие благорастворенных эстляндских воздушных масс. Все это грустно, и этим грустным припевом кончаю свою записку, низко-низко поклонившись Варваре Николаевне⁶ и поцеловав через Вас Ваших детей.

Модест Гофман.

¹ См. прим. 17 к письму 14.

² О своем неожиданном решении вновь уехать в Тверскую губернию в августе 1913 г., чтобы завершить статью для «Академической Библиотеки русских писателей», М. Гофман вспоминал много лет спустя: «Сколько я ни пробовал писать биографию Боратынского, ничего не выходило: столько ко мне приходило народу, что не оставалось времени для писания, а главное — совершенно невозможно было сосредоточиться и привести в порядок мысли, <...> а написать необходимо, чтобы не стать Верховским (см. прим. 3 к письму 10. — Т. К.) или Щеголевым (П. Е. Щеголев, которому была поручена подготовка сочинений Пушкина в «Академической Библиотеке русских писателей», как и Верховский, не выдержал назначенных сроков. — Т. К.). Что делать? Думал-думал и принял героическое решение: поехать в какую-нибудь глухую деревню, зарыться в ней и сидеть там, пока не напишу биографию Боратынского — куда, безразлично. Не знаю, почему я выбрал Старицу, маленький, поганенький уездный городишко Тверской губернии, где <нрзб.> Волга около пушкинских мест, но выбор оказался очень удачным: 1) комната попала очень чистая (насколько русская деревня чище французской и как всегда клеветали на русскую деревню!), 2) такая тоска была (негде гулять — раз в день в 10 минут доходил до берега крохотной в этом месте Волги — это все), что нечего было делать, кроме работы, и, кроме того, так хочется скорей вырваться из этой дыры, что поневоле сидишь весь день с утра до вечера и пишешь — чтобы скорее закончить работу и уехать. Зашел в первую попавшуюся крестьянскую избу, которая мне показалась чистой, и спросил, не дадут ли мне комнату и не согласятся ли меня кормить.

— А что Вам нужно готовить?

— Да все равно, что-нибудь попроще.

— Вы гречневую кашу любите?

- Очень люблю.
- А сырники? А сливки пьете?
- Пью.

И вот меня стали за рубль в день (немножко дорого, но я не стал торговаться <...>) кормить все время одним и тем же (ни разу не было перемены): в 7 часов утра мне давали стакан сливок, в 12 часов дня гречневую кашу, сырники и стакан сливок, в 6 часов вечера гречневую кашу, сырники и стакан сливок и на ночь стакан сливок. Я работал без передышки и через неделю мог уехать из Старицы (конечно, я там не задержался ни на один день) с написанной биографией Боратынского» (из воспоминаний М. Л. Гофмана).

³ См. письмо 15.

⁴ Библиотека Понофидиных в Пушкинский Дом не передавалась.

⁵ См. прим. 20 к письму 14.

⁶ В. Н. Модзалевская.

19

10 (23) августа 1913 г. Старица

Старица, 10 августа 1913 г.

Получил Вашу открытку, дорогой Борис Львович, и вчера ходил опрашивать для Вас ушедших из этого мира: новейшие купцы кричат своими яркими красками и надписями, а те, кто поблагороднее и подревнее — молчат, зарывшись глубоко в землю и поросши травой забвения — мохом. Все крайне запущено, и нет никакой надежды вызвать в бытие, хотя бы и на бумаге, ушедших в небытие, однако еще постараюсь.¹ Вчера же встретил М. Н. Понофидина,² выговаривавшего мне, что я не приехал прямо к ним — в Малинки или в Покровское, и уговаривал сейчас же перебраться туда. Я бы и <не> прочь пожить в хорошем имении, да боюсь, что не смогу там заниматься и что заедят малинниковские клопы (правда, что можно жить в Покровском, но приношу деревенский отдых в жертву Боратынскому, для которого сию в глухом уездном городишке). Предложил мне также Понофидин для Пушкинского Дома лексиконы П. А. Осиповой,³ и значит ехать все же надо,⁴ да и вообще надо, но хочу сперва женить Боратынского и передать его на попечение заботливой Настасьи Львовны.⁵ Сегодня он (Боратынский) до слез просил меня, и я умилился на себя, произведя его в офицеры. Начал было перестукивать написанное, т<ак> к<ак> горю нетерпением показать Вам, но все написано так вяло, что хоть снова начинай... Радуюсь тому, что хоть память, конфузливая девица на людях, но бойкая в кабинетной (*honny soit qui mal у pense*^a) и иной тиши, резвится: книг и бумаг для справок набрал целый муравейник, но справляться почти не приходится, и все цитирую наизусть. Знаю, что мне достанется от всех, а пуще всего — от Ивана Андреевича,⁶ за цитаты, но у меня лежит к ним сердце, и я вижу в них свидетельство и залог моей добросовестности. Они и необходимы, — иначе бы сказали, что я выдумал биографию Боратынского,

^a Позор тому, кто дурно об этом подумает (*франц.*) (девиз английского ордена Подвязки).

даром что я стараюсь осторожнее высказывать свое расхождение с прочими биографами. Кто умней, — поймет мои намеки и выведет следствия, которые я остерегаюсь выводить во избежание соблазна.⁷ Хотел удрать и в монастырь, да опять-таки жаль отрываться и пугать робкое и вялое вдохновение. Сейчас получил корректуру, побывавшую у Вас, и выражаю Вам такую благодарность, какую только может выразить мое нечувствительное, но преданное Вам сердце. Жизнь моя течет поразительно однообразно, и в голове нет ни одной мысли, которая не имела бы отношения к Боратынскому, а потому с удовольствием отдохну от него, как только напишу биографию, хоть и занимает меня это весьма. Думаю, что дней через шесть буду уже в Петербурге и тогда передам сам приветы и пожелания Варваре Николаевне,⁸ Шуре,⁹ Леве¹⁰ и Димочке,¹¹ а пока прошу Вас о передаче им массы хорошего.

Преданный Вам Модест Гофман.

¹ Открытка, посланная Модзалевским, не сохранилась, но по ответу Гофмана понятно, что Борис Львович, воспользовавшись пребыванием Гофмана в Старице, обратился к нему со своей традиционной просьбой — посетить местное кладбище и переписать с надгробий сведения об интересующих его лицах (сведения такого рода он аккуратно заносил в свою библиографическую картотеку с обязательным указанием фамилии сообщившего их; ныне картотека хранится в РО ИРЛИ).

² *Понофидин (Попафидин, Папафидин)* Михаил Николаевич* (не ранее 1858—1915) — сын Николая Павловича Понофидина и Серафимы Александровны, урожд. Юргеневой; внук П. И. и А. И. Понофидиных (см. прим. 8 к письму 16). Окончил юридический факультет Московского университета. С 1891 г. был женат на Е. С. Вревской (см. прим. 2 к письму 26). В 1895 г. унаследовал родительское имение Курово-Покровское. В Старице у Понофидиных был собственный дом. М. Н. Понофидин предоставил Б. Л. Модзалевскому для публикации «Семейный летописец» рода Понофидиных (1734—1857) (см.: Сборник статей, посвященный Л. М. Савелову. М., 1915. С. 22—35) и письма своего деда (см.: *Папафидин П. И.* Письма морского офицера. (1806—1809) / С предисловием и прим. Б. Л. Модзалевского. Пг., 1916). О М. Н. Понофидине см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 192, л. 380—383.

³ Более или менее достоверно идентифицировать эти книги из библиотеки Малинников помогает письмо М. Н. Понофидина к М. Л. Гофману от 10 декабря 1913 г.: «Когда приеду в Петербург, привезу вам французские лексиконы Татищева с отметкою пылких чувств к Пушкину нашей прабабушки» (т. е. П. А. Осиповой) (РО ИРЛИ, ф. 64, № 168). В конце концов Понофидин выслал эти книги в дар Академии наук в марте 1914 г. (см.: Письма М. Н. Понофидина к Б. Л. Модзалевскому / Публ. Т. П. Кочевой // Русская литература. 2003. № 2. С. 164—165). Обнаружить их в библиотеке Пушкинского Дома не удалось. Вероятнее всего, речь идет об одном из французско-русских словарей, составленных И. И. Татищевым, — «Полном Французском и Российском Лексиконе, с последнего издания Лексикона Французской Академии на Российской язык переведенном» (2-е изд. СПб., 1798. Т. 1—2). Гофман дважды описывает эти «лексиконы», обложки которых «испещрены подписями, вроде следующих: „Милый и любезный друг Александр Сергеевич Пушкин“, „Любезный и верный друг Александр Сергеевич“, „А. П.“ и т. д. и т. д.». В одном случае он утверждает, что это рука П. А. Осиповой (см.: Пушкин и его современники. Вып. 19—20. С. 105), в другом — атрибутирует эти записи Анне Николаевне Вульф (см.: Там же. Вып. 21—22. С. 214).

* Учитывая тот факт, что в литературе не существует единообразия в передаче фамилии Понофидиных, в настоящей публикации принято то написание, которое зафиксировано на визитной карточке.

⁴ Поездка Гофмана в Малинники в августе 1913 г. не состоялась (см.: РО ИРЛИ, ф. 64, № 168; письмо М. Н. Понофидина к М. Л. Гофману от 10 декабря 1913 г.).

⁵ Е. А. Боратынский с 9 июня 1826 г. был женат на Настасье Львовне Энгельгардт (1804—1860).

⁶ И. А. Кубасов. См. прим. 1 к письму 16.

⁷ Большинство рецензентов издания не могло не отметить добросовестности Гофмана-редактора, включая и Н. О. Лернера, известного своими резкими и пристрастными критиками. Основная же претензия Лернера к биографическому очерку, написанному Гофманом, сводилась к тому, что он носил «чисто внешний характер» и в нем не определялось своеобразие поэтического облика Боратынского (см.: Вестник Европы. 1914. № 5. С. 348—350). Сводка рецензий на 1-й том академического издания Боратынского приведена в кн.: Бюллетени литературы и жизни. 1914. № 21. Библиографический отдел. С. 658—659.

⁸ В. Н. Модзалевская.

⁹ А. Б. Модзалевская.

¹⁰ Л. Б. Модзалевский.

¹¹ В. Б. Модзалевский.

20

13 (26) сентября 1913 г. Петербург

Лесной, 13 сентября 1913 г.

Дорогой Борис Львович, посылаю Вам на новоселье¹ «Новоселье».² Хотел сам принести, но болезнь (воспаление почечных лоханок) держит дома и грозит отрезанием от мира на три недели.³ Буду ждать от Вас корректуры в гранках,⁴ дабы иметь возможность исправить все, что требует исправления, и дополнить примечания (нужно или нет? что нужно?). Когда Вы предполагаете удобным начать набор дневника?⁵ — я бы мог в самом скором времени начать присылку оригинала. Нудно сидеть дома и не знать, что еще готовит грядущий день! Поздравляю Вас и Ваших с новосельем и шлю приветы и неограниченные пожелания.

Сердечно преданный Вам Модест Гофман.

Передайте, пожалуйста, девушке Саводника.⁶

¹ Речь идет о втором за короткое время новоселье Б. Л. Модзалевского, о чем он, в частности, писал М. О. Гершензону: «Я дважды в течение двух месяцев переехал с квартиры на квартиру: сперва 1-го авг., со Среднего 34 на 8-ю линию 39, а 23 сент. — с 8-й линии на 7-ю, д. 2, в казенную квартиру в Академическом доме, где наденюсь прожить уже до скончания живота своего... С моей библиотекой такие salto mortale не так-то просто проделывать, а потому я был все время утомлен и выбит из колеи, лишенный книг и другой своей рабочей обстановки» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб., 2001. С. 327; публ. Е. Ю. Литвин).

² Возможно, Гофман подарил Модзалевскому один из двух томов альманаха «Новоселье», собранного русскими литераторами в 1833—1834 гг. в честь переезда книжной лавки А. Ф. Смирдина на Невский проспект. Это могли быть также и отдельные гравированные листы к этим изданиям (гравюры С. Ф. Галактионова с оригиналов А. П. Брюллова и А. П. Сапожникова).

³ Резкое ухудшение здоровья М. Гофман связывал прежде всего с бытовыми и дорожными неудобствами нескольких в течение лета 1913 г. путешествий по Псковской и Тверской губерниям: «Удачные поездки мои имели, однако, и отрицательную сторону: тряска в безрессорных экипажах (иногда и просто в телеге) по плохим дорогам отражалась на моем здоровье, и я работал следующую зиму, может быть, с меньшей энергией, так как много времени уходило на лечение почек, и болезнь отнимала силы (поездка в Крым осенью 1913 г. (см. письмо 22. — Т. К.) была неудачна)» (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 1126, л. 1 об.).

⁴ См. прим. 17 к письму 14.

⁵ См. прим. 9 к письму 14.

⁶ Возможно, здесь идет речь о книге В. Ф. Саводника «Е. А. Боратынский. 1800—1900: Критический очерк» (М., 1900), которая была необходима Гофману в связи с работой над 1-м томом собрания сочинений Боратынского.

21

31 октября (13 ноября) 1913 г. Петербург

31. X. 1913.

Дорогой Борис Львович,

спасибо Вам за все, а больше всего за Ваш привет. Продолжаю мучиться в связи с все увеличивающимся количеством белка, цилиндров и кристаллов Но твердо и бодро шлю привет и пожелания Вам и Вашей семье.

Преданный Вам сердцем Модест Гофман.

22

11 (24) ноября 1913 г. Ливадия

Ливадия.¹
11. XI. 1913.

Дорогой Борис Львович, шлю Вам и всей Вашей хорошей семье горячие приветы. Не судите меня за корректуру² — чувствую себя развалившеюся колонной, постепенно реставрируемой.

Модест Гофман.

Адрес: Его Высочородию
Борису Львовичу Модзалевскому.
Архив Академии Наук
Около Дворцового моста.
Васильевский Остров.
Петербург.

¹ Написано на открытке с видом развалин старого дворца в Ореанде. В тексте письма Гофман в шуточной форме сравнивает свое состояние с разрушившейся колонной, которая как раз изображена на переднем плане открытки.

23

27 ноября (10 декабря) 1914 г. Кисловодск

Кисловодск.¹
27. XI. 1914.

Дорогой Борис Львович, шлю Вам, Варваре Николаевне² и детям мой привет. Здесь, если и не слишком тепло (однако сегодня днем в тени +8°), то, во всяком случае, масса солнца, света и дивный воздух. Сердечно желаю Вам всего лучшего и преданное Вам сердце предаю еще раз.

Модест.

Адрес: Его Высокородию
Борису Львовичу Модзалевскому.
Архив Канцелярии Конференции Академии Наук.
Университетская наб.
В<асильевский> О<стров>. Петроград.

¹ Написано на открытке с видом каскадов на реке Ольховка в Кисловодске.

² В. Н. Модзалевская.

24

3 (16) декабря 1914 г. Кисловодск

Кисловодск.
3. XII. 1914.

Дорогой Борис Львович, здесь где-то мы и живем.¹ Хлопочу о письме Гоголя,² и, кажется, мои хлопоты хотят увенчаться. Все поджидал от Вас какой-нибудь весточки, да так и не дождался и не дождусь, конечно. Здесь все время солнце и тепло. Во вторник (9-го) собираюсь уже приехать в Петербург. Папа³ просит передать Вам привет, а я прошу Вас — Варваре Николаевне⁴ и детям.

Адрес: Его Высокородию
Борису Львовичу Модзалевскому.
7 линия, дом Академии Наук.
Петроград. Васильевский Остров.

¹ Написано на открытке с видом Ребровой балки и горы Кабан в Кисловодске.

² Речь идет о письме Гоголя к Николаю I (от начала декабря 1846 г.), в котором содержалась бесподданнейшая просьба о выдаче паспорта для путешествия на Восток, к Святым местам. Письмо хранилось в архиве Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества, где служил отец Гофмана. В конце 1914 г. по Высочайшему

повелению Дело № 37 (30 декабря 1846 г. — 14 апреля 1847 г.) с письмом Гоголя было передано в Пушкинский Дом и сразу же опубликовано М. Гофманом (см.: Временник Пушкинского Дома. 1914. Пг., [1915]. С. VII, 89—93). В настоящее время хранится в фонде Н. В. Гоголя (РО ИРЛИ, ф. 652, оп. 1, № 37).

³ Л. Л. Гофман. См. прим. 4 к письму 13.

⁴ В. Н. Модзалевская.

25

22 июля (4 августа) 1915 г. Райвола

Райвола.¹
22. VII. 1915.

Дорогой, хороший Борис Львович, и не только дорогой и хороший, но еще — вдобавок — и именинный, поздравляем Вас с 24-м июля² и кричим за Ваше здоровье, счастье и долголетие долгое и громкое ура. Целую Вас, Вашим сердечное приветствие.

Модест.

Рукою О. Н. Гофман: И я, и Нат<алья> Алек<сандровна>³ соединяем свои пожелания и приветствия. Всего хорошего! О. Гофман.⁴

Рукою М. Л. Гофмана: Числа 30—31-го собираюсь к Вам — мучить и тревожить Вас.

Адрес: Его Высокородию
Борису Львовичу Модзалевскому.
Люцевская ул., д. 34.
Гатчина, Варшавск. ж. д.

¹ Написано на открытке с видом мельничного ручья на станции Райвола.

² По церковному календарю 24 июля — день памяти благоверных князей Бориса и Глеба. Б. Л. Модзалевский, рожденный 20 апреля, праздновал свои именины 2 мая (в этот день церковь прославляет перенесение мощей благоверных князей Бориса и Глеба).

³ *Гофман Наталья Александровна* (умерла в 1930-е гг. в Ленинграде) — мать М. Л. Гофмана.

⁴ *Гофман (урожд. Никольская) Ольга Николаевна* (1895—1984) — жена М. Л. Гофмана (с 29 июня 1914 г.). Окончила гимназию Э. П. Шаффе; училась в классе, где Гофман преподавал литературу в 1910—1914 гг.

16 (29) августа 1915 г. Райвола

16. VIII. 1915.¹

Дорогой Борис Львович, был вчера в Петрограде и звонил к Вам, но не дозвонился. Понофидину зовут Евпраксией Степановной.² На этой неделе буду в Питере и постараюсь Вас увидеть.

Модест.

Адрес: Его Высокородию
Борису Львовичу Модзалевскому.
7 линия, д<ом> Академии Наук.
Васильевский остров.
Петроград.

¹ Написано на художественной открытке; отправлено со станции Райвола (место отправления установлено по почтовому штемпелю).

² Записка Гофмана вызвана известием о скоропостижной кончине М. Н. Понофидина (умер 7 августа в Малинниках). В архиве Б. Л. Модзалевского сохранилось письмо Е. С. Понофидиной от 21 августа 1915 г. с благодарностью «за участие в утрате» и обещанием — «во исполнение желания» покойного мужа — предоставлять в полное распоряжение Академии «все, что может <...> интересоваться в смысле старинных документов» (Письма М. Н. Понофидина к Б. Л. Модзалевскому / Публ. Т. П. Кочевой // Русская литература. 2003. № 2. С. 167).

Понофидина (урожд. Вревская) Евпраксия (Ирина) Степановна — дочь Степана Борисовича Вревского и Марии Михайловны, урожд. Сердобинной; внучка Б. А. и Е. Н. Вревских. Образование получила за границей. В 1891 г. вышла за М. Н. Понофидина (о нем см. прим. 2 к письму 19) и переехала в Покровское и Малинники (последние достались ей по наследству). После революции 1917 г. Е. С. Понофидина оставалась в родовом имении. 11 августа 1920 г. она отправила Б. Л. Модзалевскому письмо, в котором сообщала о получении декрета, предписывающего выселить в месячный срок владельцев усадеб, и тревожилась в связи с этим о «судьбе малинниковской старины» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 77—78. Другие письма Е. С. Понофидиной к Б. Л. Модзалевскому от 11 мая, 29 августа и 8 сентября 1920 г. см.: Там же, л. 104—105, 121—122; оп. 1 (1920), № 2, л. 72—73). 30 августа 1920 г. Академия наук выдала ей охранную грамоту и поручала сохранять до вывоза в Петроград «архив, библиотеку и старинные музейные вещи в усадьбе Малинники» (Там же, оп. 1 (1917), № 3, л. 106). Принадлежавшая Е. С. Понофидиной часть архива Вревских поступила в Пушкинский Дом в сентябре 1920 г.; в 1926 г. она передала Б. И. Коплану, командированному в Малинники, три альбома своей матери с зарисовками пушкинских мест Псковской и Тверской губерний. В конце 1920-х гг. вместе с глухонемой дочерью Марией она перебралась в Ленинград, к дочери Татьяне, помогая воспитывать внуков и зарабатывая вышиванием белья. Умерла во время блокады Ленинграда. (О Е. С. Понофидиной см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 192, л. 380—383). Ее дочь Т. М. Понофидина в 1970-е гг. передала в Берновский музей семейные реликвии из Малинников: ломберный столик, дульный пистолет А. Н. Вульфа, столовое серебро и штатгук Е. Н. Вревской, альбом с семейными фотографиями (см.: Орлова С. Фотография из старинного альбома // Я ехал к вам... Сборник статей о пребывании А. С. Пушкина на старинной земле. Тверь, 1997. С. 155—157).

13 (26) июля 1916 г. Ушивка

Ушивка.

13. VII. 1916.

(Почтовый адрес: почтовое отделение Орловка, Новгород-Северского уезда Черниговской губ. Деревня Ушивка. Усадьба М. П. Савицкой.¹ Телеграфный адрес: Кролевец Черниговской. Забелло² — Гофману).

Дорогой Борис Львович,

очень-очень соскучился по Вас, и так хочется узнать о Вас, о Варваре Николаевне,³ о детях, о том, как Вы живете, как отдыхаете, здоровеете, что и гулять не пошел и лень письменную превозмог, дабы написать Вам. Бесконечно давно ничего не знаю о Вас. Как у Вас? Все ли здоровы? Чувствуете ли Вы себя нервами и физически лучше? Я живу здесь уже третью неделю, а Оля⁴ с Ростиком⁵ 1½ месяца и пока это очень довольно всеми условиями жизни, а уж о просторе, о красоте лугов, лесов, о теплом, соснами насыщенном воздухе и говорить трудно. Все мы толстеем и загораем. А как красивы берега по Десне! Вот бы Вас к нам! А у меня есть и планы на этот счет, и очень хотелось бы сговориться с Вами: после 15-го августа я думаю недельки 1½—2 пробыть в Москве для Румянцевского Музея,⁶ и очень хотелось бы это время быть с Вами в Москве — Вы же и собирались там побывать в августе. Давайте, Борис Львович, спешитесь! А так как от нас до Москвы беспересадочное сообщение и езды всего 12 часов и так как у нас тут очень хорошо и очень здорово, то вывод очень простой: 1 августа Вы с Варварой Николаевной снимаетесь из Приморского хутора и едете в Ушивку, здесь мы гуляем, пьем молоко, едим до отказа (со стороны желудка), отдыхаем и 15 августа, оставя в Ушивке Варвару и Ольгу Николаевну, едем в Москву. Я не красноречив, но хочется думать, что мое сердечное послание будет убедительнее для Вас самого пышного и цветистого красноречия. С тех пор, как я уехал из Лесного (24-го июня), палец о палец не ударил, — только гуляю, ем да ворчу на Олю — и считаю, что заслужил это право на отдых, так как до 24 июня работал так, как давно не удавалось: протранскрипцировал все рукописи «Евгения Онегина» и Публичной Библиотеки и Румянцевского Музея,⁷ причем за март, апрель, май исписал 134 листа транскрипции, а за 24 дни июня — 314!⁸ Открывал такую массу неведомых вещей в рукописях «Онегина» и такую чепуху в комментированных изданиях, что одновременно и в восторг приходил и от досады злобой задыхался. Кстати: если Вы возьмете от меня в один из ближайших выпусков «Пушкина и его современников» исследование (первый раз в жизни!) о пропущенных строфах «Евгения Онегина»,⁹ то я бы теперь написал, благо материалов много и все под рукой. Кстати: в рукописях Румянцевского Музея я нашел новое

косвенное подтверждение в правильности моих положений о псевдо-пушкинском послании Чаадаеву «Любви, надежды, тихой славы». ¹⁰

Кстати: писал ли Вам Томашевский ¹¹ (я ему дал Ваш адрес) о статье Оксмана ¹² в «Пушк<ине> и его совр<еменниках>» (уже набранной): ¹³ в ней много недоразумений и lapsus'ов и в особенности серьезный один, касающийся оригинала «Блажен, кто близ тебя», ¹⁴ отчего может быть большой конфуз для «П<ушкина> и его совр<еменников>».

Напишу вам большое письмо, когда получу от Вас, а теперь तो роплюсь отправить это на почту (очень неисправную у нас). Буду ждать скорого и благосклонного ответа. Все мы приветствуем всех Вас, а я Вас и детей — целую и желаю Вам тьму самых лучших вещей.

Модест.

¹ «Лето 1916 года мы — Оля, Ростик и я — провели в Черниговской губернии, у М. П. Савицкой (родственницы Сони Забелло, имение Забелл тоже было недалеко, и мы видались). Там было очень хорошо, но я невероятно скучал: решив отдохнуть, я не взял никакой работы и потому отчаянно скучал: <...> Ростик был слишком мал — ему было два года, чтобы с ним совершать большие прогулки, Оля или была занята по хозяйству, или болтала с М. П. Савицкой, а я был совсем один и спасался тем, что уходил на весь день собирать грибы — к счастью, грибов было много. Осенью вернулись в Петербург, тревожный, предреволюционный: неизбежность революции чувствовалась весь год» (из воспоминаний М. Л. Гофмана).

² *Забелло Софья Яковлевна* — соученица О. Н. Гофман по гимназии Э. П. Шаффе, ученица М. Гофмана. Как можно судить по воспоминаниям самого Гофмана, он состоял с ней в переписке, уже будучи в эмиграции в конце 1920-х—1930-е гг. (см. также: *Цвяловский М., Цвяловская Т. Вокруг Пушкина*. С. 84, 87, 107).

³ В. Н. Модзалевская.

⁴ О. Н. Гофман.

⁵ *Гофман Ростислав Модестович* (1915—1975) — сын М. Л. и О. Н. Гофманов. С 1923 г. жил с отцом в Париже. По окончании лицея Janson-de-Sailly преподавал в русской гимназии в Париже; переводил на французский язык произведения Достоевского, Льва Толстого, Тургенева. Впоследствии стал известным музыковедом, крупнейшим в Европе специалистом по истории русской музыки и активным ее популяризатором во Франции, выступал с лекциями по радио, редактировал с 1968 г. журнал «Diapason», работал художественным директором звукозаписывающей фирмы «Chant du Monde», которая обладала эксклюзивным правом издания русской классической и современной музыки. Р. М. Гофман был активным деятелем музыкально-просветительного общества «Музыкальная молодежь Франции», в котором на безвозмездных началах пропагандировал русскую и советскую музыкальную культуру. Перу Р. М. Гофмана принадлежат монографии о П. И. Чайковском (1947), Н. А. Римском-Корсакове (1958), М. П. Мусоргском (1964), Д. Д. Шостаковиче (1963), С. С. Прокофьеве (1964) и др.

⁶ В Московском Румянцевском музее с 1880 г. хранилось одно из самых ценных собраний пушкинских рукописей, переданное туда старшим сыном поэта. Его ядро составляли черновые рабочие тетради Пушкина (четырнадцать из семнадцати сохранившихся). Б. Л. Модзалевский и М. Л. Гофман планировали заниматься в Румянцевском музее в мае 1916 г., но в связи с ремонтом в музее эта поездка была отложена до августа (см. письмо Г. П. Георгиевского к Н. А. Котляревскому от 10 мая 1916 г.: ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1913), № 42, л. 110). Нет сведений о том, удалось ли Гофману поработать с пушкинскими рукописями в Москве в августе 1916 г. Известно о его поездке в Румянцевский музей для завершения работы по описанию автографов «Евгения Онегина» в начале 1917 г.: 30 января он получил в редакции «Пушкина и его современников» 100 рублей «в счет гонорара на поездку в Москву» (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 28, № 90, л. 21 об.).

⁷ В марте 1916 г. академическая Комиссия по изданию сочинений Пушкина приняла предложение редактора 6-го тома П. О. Морозова и утвердила Гофмана редактором тома, в который должен был войти «Евгений Онегин» (Гофману предлагалась подготовка текста и составление текстологических примечаний). Кроме того, отдельное издание пушкинского «романа в стихах» предполагалось осуществить и в «Академической Библиотеке русских писателей». Для подготовки текста «Евгения Онегина» Гофман получил в 1916 г. стипендию от Отделения русского языка и словесности. В отчете, поданном в конце года, он, в частности, писал: «Я проработал все издания романа, вышедшие при жизни Пушкина, и сверил текст наиболее авторитетных посмертных изданий. <...> После этого я приступил к изучению рукописей, с какою целью и занимался в Императорской Публичной библиотеке, в Императорской Академии Наук (собрания Рукописного отделения, бумаги Л. Н. Майкова, фотографии с рукописей Парижского музея А. Ф. Онегина, собрание Пушкинского Дома), у проф. С. А. Венгерова (фотографии Румянцевского музея) и в Румянцевском музее в Москве. В результате мною произведена транскрипция всех существующих известных рукописей „Евгения Онегина“, кроме оставшихся мне недоступными бумаг графа Шереметева. <...> Изучение рукописей „Евгения Онегина“ дало громадный и весьма значительный материал: помимо частичных исправлений существующего текста, рукописи Пушкина дали много новых интересных вариантов, разрешающих порой большие вопросы в пушкиноведении (которые вызвали целую литературу), обнаружили процесс создания романа. Найденные мною материалы в рукописях „Евгения Онегина“ дали, между прочим, и 8 полных новых строф» (Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1916 год. С. 43). Для продолжения работы по подготовке текста «Евгения Онегина» Гофман получил от Отделения стипендию и на 1917 г.

⁸ Сохранившаяся часть этой работы Гофмана (со строфы XVII главы второй по главу восьмую) находится в настоящее время в РО ИРЛИ (Р. 1, оп. 5, № 620, л. 280—835, по нумерации М. Гофмана). Она представляет собой транскрипцию черновых рукописей «Евгения Онегина», сводку вариантов беловых рукописей и печатных изданий с краткими вступительными заметками перед каждой главой.

⁹ В 1916 г. Гофману удалось напечатать только фрагмент этой работы — «Новые строфы „Евгения Онегина“» (Вестник Европы. 1916. Кн. 12. С. 29—41) и 26 ноября сделать доклад в историко-литературном кружке имени Пушкина при Петроградском университете. При обсуждении доклада С. А. Венгеров указал, в частности, «на слишком резкую критику предшествующих работ» (Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1916. 29 нояб., № 15953. С. 7). В этой работе Гофман заявил о себе как об убежденном и последовательном стороннике метода транскрибирования черновых рукописей: «Чтение черновых строф, извлекаемое из множества сплошь зачеркнутых черновики, всегда настолько приблизительно, что такие строфы нельзя давать иначе, как в полной и безукоризненной транскрипции» (Вестник Европы. 1916. Кн. 12. С. 40; оценку текстологических принципов Гофмана см.: *Измайлов Н. В.* Текстология // Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.: Л., 1966. С. 571—574). Исследование о пропущенных строфах «Евгения Онегина» было сдано в набор в конце 1916 г. Отъезд Гофмана летом 1917 г. на юг России и его почти трехлетнее отсутствие замедлили работу над изданием, которое вышло только в 1922 г. (см.: Пушкин и его современники. Пб., 1922. Вып. 33—35. С. 1—344). См. также прим. 1 к письму 28.

¹⁰ В феврале 1916 г. на заседании историко-литературного кружка имени Пушкина при Петроградском университете М. Гофман прочитал доклад «Кому принадлежит послание „Любви, надежды, тихой славы“?», в котором предпринял попытку опровергнуть принадлежность Пушкину известного стихотворения и перетрибутировать его Рылеву (сообщения о докладе см.: Речь. 1916. 15 февр., № 45. С. 4; Известия книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1916. № 3. Стб. 37). Аргументация Гофмана не была принята участниками обсуждения — как известными к тому времени пушкинистами (С. А. Венгеровым, П. О. Морозовым, П. Е. Щеголевым), так и только начинающими тогда исследователями. «Гофман прочел свой доклад, — рассказывал позднее С. М. Бонди, — а обсуждение было перенесено на следующий раз. Мы подготовились, поделив меж собой проблемы: я взял текстологию, Оксман — он уже тогда хорошо знал Рылеву — говорил о стиле, ну и так далее. Разнесли Гофмана в пух и прах. Все ждали от профессора (С. А. Венгерова. — Т. К.) аргументированных возражений. А он просто взял и прочел с обыденной, но

бодрой интонацией <...> все стихотворение целиком, развел руками и с улыбкой сказал: „Так ведь это Пушкина!“ <...> Гофман с нашей критикой не согласился и выступил очень резко» (*Чудаков А. П. Слушаю Бонди // Тыняновский сборник: Пятое Тыняновские чтения. Рига; М., 1994. С. 398*). Под «новым косвенным подтверждением правильности» своих выводов Гофман подразумевал незаконченную заметку Пушкина «<О публикации Бестужева-Рюмина в „Северной звезде“>», черновик которой находится в так называемой Первой арзрумской тетради, которая хранилась тогда в Румянцевском музее (совр. шифр: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 841, л. 114 об.—114). Этим аргументом Гофман дополнил доказательную базу о псевдопушкинском характере стихотворения позднее — в своей книге «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине» (Пб., 1922. С. 119—127) и статье «Пушкин и Рылеев», которую передал в редакцию литературно-художественных сборников «Недра», когда уже находился в Париже (см.: *Гофман М. Л. Пушкин и Рылеев // Недра. М., 1925. Кн. 6. С. 195—209*). В этом же сборнике в полемику с Гофманом вступил Л. П. Гроссман (см.: *Гроссман Л. П. Пушкин или Рылеев? // Там же. С. 210—229*). Аргументированно отвечал Гофману и Б. В. Томашевский в своей книге 1925 г. (см. переиздание: *Томашевский Б. В. Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1990. С. 75*).

¹¹ *Томашевский Борис Викторович (1890—1957)* — историк литературы, стиховед, пушкинист, один из основателей отечественной текстологии. Именно в 1916 г. появились в печати его первые пушкиноведческие работы: «О стихе „Песен западных славян“» (Аполлон. 1916. № 2. С. 26—35) и «Пушкин и французская юмористическая поэзия XVIII века» (Пушкинист: Историко-литературный сборник / Под ред. С. А. Венгерова. Пг., 1916. Т. 2. С. 204—257). С 1917 г. Томашевский постоянно публиковал свои работы в повременном академическом издании «Пушкин и его современники». С 1921 г. его научная жизнь была связана с Пушкинским Домом, прежде всего — с фундаментальными исследованиями в области пушкиноведения. В 1946—1957 гг. Томашевский заведовал Рукописным отделом Пушкинского Дома. Писем Б. В. Томашевского за 1916 г. в архиве Б. Л. Модзалевского нет.

¹² *Оксман Юлиан Григорьевич (1895—1970)* — историк литературы, пушкинист. Окончил Петроградский университет в 1917 г.; печатался с 1915 г. В 1933—1936 гг. Оксман работал заместителем директора Пушкинского Дома. Подробнее о нем см.: *Азадовский М. К., Оксман Ю. Г. Переписка. 1944—1954 / Сост., вступ. статья, коммент. К. М. Азадовского. М., 1998*.

¹³ Речь идет о статье Ю. Г. Оксмана «Сюжеты Пушкина», в которую вошли три отдельные заметки: «К литературной истории стихов Пушкина. К***» (Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенной!); «Пушкин и Арно»; «Заметка Пушкина о Железной Маске» (см.: Пушкин и его современники. Пг., 1917. Вып. 28. С. 73—95).

¹⁴ Оксман указал на элегию Н.-Ж. Леонара «L'amant timide» как на источник пушкинского наброска «Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный...». Б. В. Томашевский, оппонировав Оксману, назвал это сопоставление «рискованным» и «сомнительным» и указал при этом другой, более вероятный и популярный литературный источник — оду Сафо, широко известную в переводе Буало и более чем 10 русских переводах. Ответ Томашевского датирован «12 августа 1916 г. Волчек», но в печати появился позднее (см.: *Томашевский Б. В. Заметки о Пушкине. I. К Пушкинским сюжетам // Пушкин и его современники. Пб., 1923. Вып. 36. С. 78—81*). (Б. В. Томашевский, дипломированный инженер-электрик, в Первую мировую войну служил в 12-й инженерной строительной дружине 3-й действующей армии Западного фронта.)

Дорогой и глубокоуважаемый Борис Львович,

в ожидании Вашего письма дождался okazji (почте упорно не доверяю) и посылаю корректуру.¹ Сейчас вспомнил, что забыл послать окончание оригинала — послать уже невозможно, ибо okazia едет

через 5 минут, а я нахожусь от дома в полчаса езды. Все мои (и я) всех Ваших (и Вас) приветствуют.

Ваш Модест.

XII. 1917.
Чернигов.²

¹ Речь идет о корректуре исследования Гофмана «Пропущенные строфы „Евгения Онегина“» (см. прим. 9 к письму 27). Типографский набор достаточно сложной рукописи происходил в отсутствие Гофмана. В архиве издания «Пушкин и его современники» сохранился фрагмент наборной рукописи (см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 28, № 21, л. 64—114 по нумерации Гофмана; соответствует с. 94—156 публикации в «Пушкине и его современниках», вып. 33—35) и лист гранок второй корректуры (с. 150—156 публикации) с правкой Гофмана и отметкой типографии о возвращении 11 июня 1918 г. (см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 28, № 21). В конце весны 1918 г. Гофман ненадолго появился в Петрограде: он, как следует из его воспоминаний, приехал из Чернигова за матерью. В расходных ведомостях редакции «Пушкина и его современников» есть запись Б. Л. Модзалевского о выплате ему гонорара 28 мая 1918 г. (см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 28, № 90, л. 23 об.). Приход Гофмана в Академию вызвал, по неясным причинам, «неудовольствие» Н. А. Котляревского, и Модзалевский готов был принять от него «головомойку» за появление Гофмана, «в коем <...> замешанным и виноватым» мог, «однако, признать себя лишь косвенно» (Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 207; публ. Е. И. Семенова). Возможно, какую-то роль в этом могла сыграть телеграмма, посланная Модзалевским Гофману 23 декабря 1917 г. (ее текст неизвестен, сохранилась лишь запись об отправлении — см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 28, № 90, л. 21 об.).

² Написано на визитной карточке.

29

20 июля 1920 г. Москва

Москва, 20. 7. 20.

Дорогой Борис Львович, получил в воскресенье Ваше письмо и кратко отвечаю на него. Благодарность и извинение за беспокойство Вас сами собой разумеются. Вы просите сообщить, как идут дела. Ответить кратко трудно, но попытаюсь. Во всяком случае, претендую если не на памятник, то на что-нибудь в этом роде. У меня остается все только последнее: последние силы, последние воспоминания сапог, последние заработанные деньги (эти две командировки¹ мне долго будут памятны совершенным опустошением личного кармана, страшною, смертельною усталостью и — единственно, но очень приятно — большою удачею для дела, которое нам очень дорого и близко). Забегался невероятно: иногда приходится бегать с 9 утра до 11—12 ночи (и уж, во всяком случае, не меньше, чем до 7), и только в крайних случаях, когда без этого не поспеть к подписи и может дело лопнуть, прибегаю к извозчикам, а то все пешком. Назову только главные места, в которых мне пришлось быть, и, главное, что сделал.

Был: в Отделе научных библиотек — 6 раз, в Отделе музеев — 9 раз, в Наркомпути — 3 раза, в Румянцевском музее — 4 раза, в

Государственном контроле — 3 раза, в Наркомпросе — 5 раз, на Николаевском вокзале — 2 раза, в Государственном банке — 2 раза и прочая, и проч<ая>. Видите, дела нигде скоро не делаются, но я добиваюсь своего и до тех пор надоедаю, пока не удовлетворят моего желания. Только завтра смогу поехать в Ивановское,² но и после этого останется еще много беготни; часть обегаю, как вернусь из Ивановского (я еду на два дня), а для части придется еще съездить на два дня сюда из Петрограда.

Добился: в Отделе научных библиотек — командировок и прочих бумаг мне и Е<влалии> П<авловне>³ (между прочим, по поводу вагона), ассигнования в 200 т<ысяч> и теперь все время хлопочу о дополнительном ассигновании в 150 т<ысяч>, что гораздо труднее, и деньги я еще не смогу так скоро получить, и придется за ними съездить (я бы это дело совсем оставил, но нам деньги пригодятся в Петрограде, когда более чем тысячепудовый груз⁴ будем перевозить со станции в Пушкинский Дом, — прикиньте, сколько это будет стоить и откуда мы возьмем нужные суммы).

В Отделе музеев выяснил, что они переслали мою докладную записку в Отдел научных библиотек с поддержанием моего ходатайства об ассигновании 200 т<ысяч>. Пришлось распутывать и растолковывать, и, в конце концов, и они ассигновали 200 т<ысяч> (талон к ассигновке у меня уже в бумажнике, и завтра до поездки в Ивановское и до грузовой канители съезжу в Банк и получу деньги; 200 т<ысяч> <Отдела> научных библиотек уже получены и частью израсходованы). Кроме того: получил от них командировки себе и Е<влалии> П<авловне> и подал докладную записку, имевшую успех, в которой просил передать нам рукописи Казанского, Марского, Каймарского, Шушарского и прочих архивов⁵ и вообще передавать в Пушкинский Дом материалы по русской литературе и особенно по Пушкину и его эпохе (это давно надо было сделать, и в таком случае мы, а не Румянцевский музей обладали бы новыми рукописями Пушкина).

Забыл, что еще встречался и был у Козловской.⁶ Пока что перевез к себе архив Воронцовых.⁷ Она обещала еще кое-что приготовить, но вообще делает это очень неохотно: утверждает, что у нее ничего, собственно, нет, что она не может всего сейчас отдать, ибо рукописи ее спасают от выселения (у нее есть охранная грамота на разбор архива, и если она все отдаст, то она потеряет свою силу). Возможно, что у нее действительно ничего особенно любопытного нет, потому что, как я слышал стороной (от Гершензона⁸), пушкинско-лонгиновские рукописи⁹ находятся у Бухгейма¹⁰ — надо бы проверить это, да не знаю, хватит ли у меня на все времени, тем более, что, может быть, мне еще придется ехать в Казань и в Рязань за рукописями для Пушкинского Дома (конечно, уже по возвращении в Петроград). Как вернусь из Ивановского, так поеду к Козловской и постараюсь у нее опять что-нибудь выцарапать по рукописной части. Еще говорит Козловская, что мы напрасно так беспокоимся, что нас ничто не минует, и прочее.

Сегодня в Наркомпути получил, наконец, наряд на вагон — вернее, копию телеграммы о предоставлении нам вагона из Подсолнечной,¹¹ но только для книг. Придется, значит, хлопотать еще о втором

вагоне под музейные вещи (да и все равно одного вагона нам не хватит). Остается еще, как видите, порядочно, а и надо, и хочется скорее приехать в Петроград и хоть немного отдохнуть от московского мотания.

С Румянцевским музеем дело хуже обстоит, и я едва вынес оттуда ноги: был там в четверг между бегом и хотел было заняться святым делом, но мне сказали, что в этот же день заниматься нельзя, что они должны сперва приготовить рукописи; был в пятницу и сделал следующее: сверил текст стихотворений «Была пора»¹² (ничего любопытного), «Вновь я посетил» (очень любопытно, и Вы будете довольны) и «Из Горация» (то, что и говорил), проработал по двум рукописям «Медного всадника», установил текст и выписал все варианты (кроме вызванных цензурными требованиями — не успел записать) и начал разбираться в «Домике в Коломне»¹³ (страшно интересно), но и его и все остальное прочее отложил на следующий день. В субботу с утра был уже в Музее: меня приняли очень радушно, но..... выпускать не хотели и к занятиям не допустили, — оказалось, что в это время в Румянцевском (а также и в Историческом) музее происходил обыск. В результате я пережил неприятные минуты и потерял время более драгоценное, чем драгоценные камни, и Румянцевский музей на неделю закрыт. Досадно и мне, а вам с Николаем Кировичем¹⁴ и еще того досаднее. Все же вы будете не правы, если станете ругать меня. Страшно и думать, но очевидно, мне придется еще раз съездить за деньгами, и тогда сделаю и то, чего не сделал не по своей вине.

Пришлось весьма побиться в Государственном контроле, но удалось все провести в два дня.

Трудно что-нибудь сделать в Наркомпросе. Между прочим, допросился, чтобы переслали переводную ведомость в Государственный банк о переводе 200 т<ысяч> в Пушкинский Дом за Дашковские собрания¹⁵ (№ 1940). Завтра буду в Банке и постараюсь или получить на руки переводную ведомость, или ускорить пересылку ее в петроградский Горфинотдел.

Вот, кажется, и все, во всяком случае, главное. Голова безумно болит, и трудно писать. Приеду, тогда и расскажу все подробно. В пятницу вернусь в Москву, в пятницу же и в субботу постараюсь все доделать и в воскресенье поеду в Петроград. Очень скверно дело обстоит с нашими расходами: оказывается, мы имеем право на 200 рублей (или в этом роде),¹⁶ и, значит, я вылечу через дымовые трубы в такие седьмые небеса, что Пушкинский Дом и не найдет меня. Много приходится заниматься канцелярским творчеством.

Глубокий и сердечный привет Варваре Николаевне¹⁷ и всему Пушкинскому Дому. Помните, что я существую, и в случае чего не забудьте этого для меня лично немаловажного обстоятельства.

Жму Вашу руку (можно как угодно крепко, без всякого опасения причинить Вам боль).

Сердечно Ваш Модест Гофман.

¹ Речь идет о двух командировках Гофмана в Москву (в июне и июле 1920 г.) по делу о перевозке в Петроград ценнейшего книжного собрания М. Н. Лонгинова (1823—1875) — историка, библиофила, библиографа, публициста, начальника Главно-

го управления по делам печати в 1871—1875 гг. Лонгинов собирал библиотеку по обдуманному плану: в ее составе были практически все первоиздания и собрания сочинений русских писателей XVIII—1-й половины XIX вв., полный репертуар русской периодической печати, издания, запрещенные или уничтоженные цензурой. Книжное собрание Лонгинова насчитывало около 6000 названий (о его составе подробнее см.: *Степанов А. Н. У книг своя судьба...* Л., 1974. С. 61—76). А. М. Козловская, дочь Лонгинова, еще в сентябре 1916 г. передала библиотеку в дар Пушкинскому Дому (см.: *Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1916 год.* С. 14), а также выразила намерение присоединить в будущем к этому дару собрание писем М. Н. Лонгинова, его бумаг и документов (см.: ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1913), № 42, л. 204, 211). Однако по условиям военного времени не удалось сразу переправить книги из подмосковного имения Козловских в Петроград. В начале 1917 г. Пушкинский Дом выдал А. М. Козловской «охранное свидетельство» на библиотеку и рукописное собрание (см.: Там же, оп. 1 (1917), № 45, л. 29). После революции Пушкинскому Дому пришлось подтверждать свое право на библиотеку Лонгинова, и в июне 1920 г. постановлением Отдела научных библиотек при Наркомпросе книжное, рукописное и музейное собрание Лонгиновых—Козловских было закреплено за ним окончательно. Отчеты о командировках Гофмана, Е. П. Казанович, Б. И. Коплана, О. Н. Никольской-Гофман и других сотрудников Пушкинского Дома в Ивановское в 1920—1921 гг. см.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 50, 63—64, 107—110, 200—204, 237.

² Ивановское — имение в Клинском уезде Московской губернии (в 70 верстах от Москвы), приобретенное князем М. И. Козловским (мужем А. М. Козловской) в 1890 г. В 1890-х гг. туда была перевезена из московского дома Козловских библиотека М. Н. Лонгинова, для которой в усадьбном доме было пристроено особое помещение. В Ивановском, кроме того, хранилась коллекция старинного китайского фарфора, столовые сервизы, собрание фарфора разных эпох и фабрик, художественная бронза, фамильные портреты Лонгиновых, князей Грузинских, Крюковых, князей Цициановых и др. Описание имения см. в статье Б. Л. Модзалевского «Ивановское—Козловское» (*Столица и усадьба.* 1917. № 79. С. 5—10).

³ *Казанович Евлалия Павловна* (1885—1942) — выпускница Высших женских (Бескулевских) курсов (1913); историк литературы. Одна из первых сотрудниц Пушкинского Дома, приглашенная Н. А. Котляревским еще в 1911 г. для описания книжных собраний и проработавшая в Пушкинском Доме до «академического дела» 1929 г. Рассказ Казанович о перипетиях совместной с Гофманом командировки за лонгиновской библиотекой сохранился в ее дневниковых записях, где она дала, между прочим, живую психологическую характеристику своего коллеги: «Гофман молодец, юноша энергичный и подвижной, но несколько легкомысленный, неосторожный и страшная болтушка, вместе с тем с большой хитрецей и себе на уме. Но так как легкомыслие помогает иногда делать большие дела, именно такие, за которые серьезный человек в силу своей серьезности и осторожности никогда бы не взялся, то, сопровождаемое энергией, оно, м<ожет> б<ыть>, на этот раз и поможет нам сделать дело, которое в случае удачи явится истинным *tour de force*.⁴ Как же не безумие пытаться вывезти из имения, на расстоянии 23 верст от станции, в самую горячую деревенскую пору, при отсутствии у крестьян лошадей, при недостатке людей, библиотеку в 17 000 томов почти» (*Из дневников Е. П. Казанович / Публ. В. Н. Сажина // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография.* С. 166—167). О Казанович см. также: *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. С. 326 (коммент. Н. А. Прозоровой).

⁴ Общий вес упакованной библиотеки Лонгиновых—Козловских составил около 1500 пудов (28 ящиков и 49 кулей книг). По прибытии в Пушкинский Дом, который тогда еще находился в здании Академии наук, книги в течение трех дней разгружали Н. А. Котляревский и Б. Л. Модзалевский (см.: РО ИРЛИ, ф. 184. Академическая записная книжка Б. Л. Модзалевского 1920—1928 гг., л. 6: записи 5—7 августа 1920 г.).

⁵ Гофман перечисляет архивы, в которых могли сохраниться рукописи Е. А. Боратынского: в Казани жили внуки Боратынского; Мара — родовое имение Боратынских в Тамбовской губернии; Каймары и Шушары — имения Энгельгардтов под Казанью, которые наследовались по женской линии и которыми Е. А. Боратынский

⁴ ловкая штука (*франц.*).

управлял после женитьбы на А. Л. Энгельгардт. О судьбе имений, связанных с пребыванием Боратынского, см.: *Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского*. С. 424—429; *Баратынские* / Публ. Е. Э. Ляминой, Е. Е. Пастернак, А. М. Пескова // *Лица: Биографический альманах*. М.; СПб., 1993. Т. 2. С. 263—268 (Каймары. Мемориальная записка К. Н. Алексеевой).

Хлопоты Гофмана об архиве Боратынского были начаты в связи с телеграммой из Главархива о доставке в Москву тамбовского архива Боратынских. Телеграмма была получена в Пушкинском Доме 8 июля 1920 г., накануне отъезда Гофмана в Москву (см.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 2, л. 250). В середине декабря 1920 г. Гофман был командирован в Москву специально для получения этого архива, который первоначально поступил в Исторический музей. При приеме документов Гофман, хорошо знавший состав Марского архива еще с дореволюционного времени, не обнаружил в нем наиболее ценной историко-литературной части: ряда автографов поэта, неизданных писем Дельвига к Боратынскому (в действительности, эти письма принадлежали А. Н. Боратынскому и входили в Шушарский архив), писем А. П. Елагиной к С. М. Боратынской (Дельвиг), которые временно находились в Академии и были возвращены в Мару по выходе академического издания Боратынского. По информации, которую Гофман получил от Ю. И. Соколова, посетившего Тамбов весной 1920 г., в архиве Мары тогда еще находились автографы Боратынского и Дельвига, в свое время оставшиеся недоступными Верховскому и Гофману. «Надо полагать, — писал Гофман в проекте письма в Главархив, — что они остались в Тамбове в Губархиве или у проф. Сперанского, который разбирал архив по поручению Исторического музея» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 2, л. 267 об.). Несмотря на все предпринятые Пушкинским Домом усилия, разыскать эти рукописи не удалось (см. также: *Пушкинский Дом при Российской Академии Наук: Исторический очерк и путеводитель*. Л., 1924. С. 63). О судьбе архива Боратынского см. также прим. 2 к письму 11.

⁶ *Козловская Александра Михайловна*, княгиня (?—1921) — дочь М. Н. Лонгинова.

⁷ Речь идет об обширном собрании писем (около 1300) С. Р. Воронцова (за 1803—1829 гг.), М. С. Воронцова (за 1804—1852 гг.) и Е. К. Воронцовой (за 1819—1826 гг.) к Н. М. Лонгинову (1779—1853) — сенатору, члену Государственного Совета, секретарю императрицы Елизаветы Алексеевны, статс-секретарю Комиссии по принятию прошений; отцу М. Н. Лонгинова. В настоящее время письма хранятся в составе архива Лонгиновых в РО ИРЛИ (№ 23620—23659).

⁸ *Гершензон Михаил Осипович* (1869—1925) — историк литературы и общественной мысли, переводчик, автор книг о П. Я. Чаадаеве, А. С. Грибоедове, декабристах, Пушкине, издатель сборников материалов по истории русской мысли и литературы «Русские Пропилеи» (1915—1919) и «Новые Пропилеи» (1923). Переписка Б. Л. Модзалевского и М. О. Гершензона за 1907—1925 гг. опубликована Е. Ю. Литвиной в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год» (СПб., 2001. С. 301—359).

⁹ Возможно, здесь идет речь об известном рукописном сборнике «Собрание сочинений Пушкина, не вошедших в издание его сочинений», составленном М. Н. Лонгиновым в конце 1855—начале 1856 гг. (он включал 120 стихотворений и 12 прозаических отрывков, снабженных многочисленными биографическими комментариями и библиографическими примечаниями составителя). Оригинал Лонгинова с 1915 г. считается утраченным (см.: *Симони П. К.* Неизданный труд М. Н. Лонгинова о Пушкине // *Лонгинов М. Н. Сочинения*. М., 1915. Т. 1. С. 573—576). П. К. Симони печатно закрепил бытовавшие в то время слухи, что подлинная рукопись осталась у П. И. Бартечева и, наряду с другими документами из собрания Лонгинова, не была возвращена его наследникам А. М. Козловской (Там же. С. 573). Однако содержание сборника Лонгинова известно в точной копии, которую снял в 1857 г. его друг, библиограф и библиофил С. Д. Полторацкий (так называемая «тетрадь Лонгинова—Полторацкого», хранящаяся с 1882 г. в фонде Полторацкого в Российской государственной библиотеке).

¹⁰ *Бухгейм Лев Эдуардович* (1880—1942) — библиограф, библиофил, коллекционер, издатель. С 1919 г. служил в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина (бывшем Румянцевском музее) и Историческом музее, куда передал большую часть своей библиотеки. Предположение Гершензона, будто у Бухгейма могут находиться какие-то лонгиновские материалы, связано с тем, что он был издателем сочинений М. Н. Лонгинова (в 1912 г. Бухгейм заключил договор об этом с А. М. Козловской — см.:

РО ИРЛИ, № 24025). Вышел только 1-й том «Сочинений» М. Н. Лонгинова (1915). Письма Б. Л. Модзалевского к Л. Э. Бухгейму за 1911—1927 гг. см.: Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. С. 184—203 (публ. Е. И. Семенова).

¹¹ Подсолнечная — станция Николаевской железной дороги, ближайшая к имению Ивановское.

¹² В апреле 1920 г. Б. Л. Модзалевский подписал с З. И. Гржебиным договор об издании сочинений Пушкина в 4-х томах и привлек Гофмана к работе по подготовке текстов стихотворных произведений. Занятия в Румянцевском музее, о которых отчитывается Гофман, и были связаны с поручениями по этому изданию. Он сверял тексты последней «лицейской годовщины» Пушкина «Была пора: наш праздник молодой...» (в настоящее время: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 991, 992), стихотворения «...Вновь я посетил...» (Там же, № 986), вольного переложения оды Горация «К Помпею Вару» — «Кто из богов мне возвратил...» (Там же, № 980), «болдинской» и «цензурной» рукописей «Медного всадника» (Там же, № 964, 966).

¹³ Исследование Гофмана «История создания и история текста „Домика в Коломне“» было опубликовано в подготовленном им отдельном издании поэмы Пушкина (см.: *Пушкин А. С. Домик в Коломне*. СПб., 1922. С. 27—121). Гофман впервые дал полную транскрипцию автографа «Домика в Коломне» и обосновал выбор в качестве основного текста поэмы текст, опубликованный Пушкиным в альманахе «Новоселье» (1833). Более подробную характеристику этой работы Гофмана, выполненной, по мнению Б. В. Томашевского, «наскоро и небрежно», см.: *Литературное наследство*. М., 1934. Т. 16—18. С. 1086.

¹⁴ *Козлин Николай Кирович* (1873—1942) — историк литературы, пушкинист, член Комиссии по изданию сочинений А. С. Пушкина (с 1909 г.), член-корреспондент АН СССР (с 1924 г.). В 1919 г. был принят в Пушкинский Дом на должность хранителя рукописей. В ноябре 1929 — ноябре 1930 гг. (период следствия по «академическому делу») временно исполнял обязанности заведующего музеем и директора, а с ноября 1930 г. принял у И. А. Кубасова должность старшего ученого хранителя.

¹⁵ В мае 1919 г. Наркомпрос предоставил Пушкинскому Дому кредит в 350 000 рублей для приобретения ценнейшего рукописного собрания П. Я. Дашкова (1849—1910), которое включало в себя целые архивы и отдельные рукописи русских писателей и общественных деятелей. В августе 1919 г. Д. Я. Дашкову, брату коллекционера, было выплачено 150 000 рублей. 26 мая 1920 г. Н. А. Котляревский обратился к заместителю наркома просвещения З. Г. Гринбергу с ходатайством об уплате оставшихся 200 000 рублей. Документы о приобретении и передаче Пушкинскому Дому Дашковского собрания хранятся в ПФА РАН (ф. 150, оп. 1 (1919), № 3).

¹⁶ Видимо, речь идет о суточных командировочных расходах.

¹⁷ В. Н. Модзалевская.

30

29 марта 1921 г. Петроград

29. III. 1921.

Дорогой, хороший Борис Львович,

ради Бога, не беспокойтесь ни о чем — все идет вполне хорошо и благополучно.¹ Я сейчас занят только Пушкинским Домом и если вчера в 1 час дня (после осмотра с архитектором²) ушел, то не из-за получения ученого пайка, а потому, что мне необходимо было устраивать продажу книг нашей библиотеки в Книжном пункте Дома Искусств.³ Виделся и с Белопольским⁴ — он еще не ездил. Завтра на 1/2 часа отлучусь — в Отдел Музеев за деньгами для отсылки в Москву — остальное время буду в Пушк<инском> Доме и приложу всю свою энергию и умственные и душевные способности, чтобы Вы бы-

ли спокойны и не тревожились о том, что у нас делается. Целую Вас.

Ваш Модест.

Ростик еще лежит.⁵

¹ С конца января 1921 г. Б. Л. Модзалевский был серьезно болен и не ходил на службу (см. его письмо к Н. А. Котляревскому от 7 апреля 1921 г. в кн.: Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. С. 208—209; публ. Е. И. Семенова). «Чувствую, как Вы волнуетесь о Пушкинском Доме, — писал в это же время и Б. И. Коплан, стараясь успокоить и ободрить Модзалевского. — Модест Людвигович ревностно блюдет интересы его и, где возможно, старается Вас заменить. Вы это знаете» (РО ИРЛИ, ф. 184, письмо Б. И. Коплана к Б. Л. Модзалевскому от 21 апреля 1921 г.). См. также письмо 31.

² Модзалевский был крайне обеспокоен тем, что работы по ремонту переданного Пушкинскому Дому здания на Тифлисской улице не продвигались, и просил, в частности, Н. А. Котляревского 8 апреля 1921 г. «поставить вопрос ребром» на заседании Строительной комиссии: «Хотят ли наши архитектора (их ведь у нас целых 4!) что-нибудь делать и сделать, или намерены и далее тянуть канитель и жевать мочалку? И московский Груздев, и здешний Васильковский, и третий архитектор, недавно с Яковлевым осматривавший наш „дом“, — все находят, что можно сделать намеченный нами ремонт, — а наши хорошие господа только отписываются и отговариваются, а дела не делают» (Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. С. 208). Вероятнее всего, Гофман встречался с одним из упоминаемых в письме Модзалевского архитекторов.

³ Дом Искусств («Диск») — объединение представителей художественной интеллигенции, созданное 19 декабря 1919 г. по инициативе К. И. Чуковского и при поддержке М. Горького для социальной поддержки деятелей культуры. При Доме Искусств были организованы столовая и библиотека, в его стенах жили литераторы, художники, критики. Научно-публицистическая и просветительная деятельность Дома заключалась в организации публичных историко-литературных лекций, литературных вечеров и выставок; при нем была возобновлена работа литературной студии издательства «Всемирная литература». Книжный пункт «Диска», упомянутый в письме Гофмана, был открыт в начале 1921 г. Дом Искусств помещался на углу Невского проспекта (дом № 15) и набережной реки Мойки (дом № 59) и просуществовал до осени 1922 г. Он описан в романе О. Д. Форш «Сумасшедший корабль», воспоминаниях К. И. Чуковского, В. А. Рождественского, М. Л. Слонимского, В. Ф. Ходасевича, Н. Н. Берберовой, И. В. Одоевцевой и др. О «Диске» см.: Шульц С. С. Дом Искусств. СПб., 1997; Тимина С. Культурный Петербург: ДИСК. 1920-е годы. СПб., 2001.

⁴ Контекст письма не позволяет точно установить, какой именно Белопольский имеется в виду. Возможно, речь идет об *Иосифе Романовиче Белопольском* (1879—1956), организовавшем в 1918 г. издательство культурно-просветительного кооперативного товарищества «Начатки знаний», которое наряду с педагогической, естественнонаучной и детской литературой выпускало книги по книговедению, библиографии и библиотечному делу.

Не исключено также, что здесь упоминается академик *Аристарх Аполлонович Белопольский* (1854—1934) — выдающийся астроном и астрофизик, в 1917—1919 гг. возглавлявший Пулковскую обсерваторию. В 1918 г. он с группой профессоров Петроградского университета организовал на кооперативных началах «Научное книгоиздательство» (см.: *Баренбаум И. Е., Костылева Н. А.* Книжный Петербург—Ленинград. Л., 1986. С. 328—329).

⁵ Р. М. Гофман. См. прим. 5 к письму 27.

25 апреля 1921 г. Петроград

25. IV. 1921.

Дорогой Борис Львович,

все ждал Леву,¹ но не дождался, искал его в Книжном складе, но и там не нашел. Приходится писать — и не знаю, успею ли и удастся ли написать. Утром разговаривал с С. Ф. Ольденбургом² об устройстве Вас в санаторию: он рекомендует очень санаторию ученых в Царском Селе и обещает помочь устроить Вас, а если удастся, то и Варвару Николаевну.³ Для этого надо сейчас написать заявление (я думаю, лучше от Пушкинского Дома — пришлите желательную для Вас форму на всякий случай — если еще не будет подписано Н. А. Котляревским⁴ заявление, которое я буду писать по окончании письма Вам) и приложите к нему медицинское свидетельство (на всякий случай, и Варвары Николаевны, а я уже постараюсь все сделать, чтобы и Варвара Николаевна попала в расхваливаемую С<ергеем> Ф<едоровичем> санаторию). Заявление со свидетельством я должен дать С<ергею> Ф<едоровичу> до 10 часов утра завтра: в 10 ч<асов> он пойдет в К.У.Б.У.⁵ и подаст его в Комиссию (следующее заседание будет не скоро, а потому необходимо это сделать сейчас же). Значит: обязательно пришлите медиц<инское> свид<етельство> сегодня вечером с Левою или с кем-нибудь ко мне на квартиру. Это — раз. Второе: выписываю Вам форму анкетного листа для персональной ставки; этот анкетный лист надо написать в 3 экземплярах.

1) Фамилия, имя и отчество.

2) Год рождения.

3) Образовательный ценз (где и сколько лет).

4) Специальность.

5) В каком губернском (или районном) отделении союза состоит, с какого числа и № членской книжки.

6) Где служит (название предприятия и местонахождение).

7) В качестве кого (подробно указать, какие исполняет функции и обязанности).

8) Служебный стаж до поступления на службу (указать год и сколько лет служил и какие исполнял обязанности).

9) Указать работы, выразившиеся в самостоятельных постройках, оборудовании и производств<енных> предприятий.

10) Указать научно-технические работы, печатные труды, изобретения, доклады и пр.; указать, какие изобретения и усовершенствования осуществлены на деле.

11) Организаторская деятельность.

12) Адрес местожительства.

Подпись лица, дающего сведения.⁶

1) Как здоровье Варвары Николаевны и что с ней?

2) Едете ли Вы завтра или когда в Лесной?

3) Где Вы будете жить в Лесном (точный адрес)?⁷

4) Что именно сказано в Вашем медиц<инском> свидетельстве (самое краткое содержание).

Вот 4 вопроса, на которые, пожалуйста, в самой сжатой форме, но как можно скорее (1) и 3) необходимо, ибо без них мне трудно заготовить для подписи заявление в К.У.Б.У.) пришлите с Ковалевым⁸ сейчас же.

Сейчас пришел Н. К. Козмин⁹ и передал свидетельство. Значит, много (но далеко не все) отпадает.

Ваш Модест Гофман.

Позовите доктора для Варвары Николаевны и пусть напишет, чем больна. Если можно, дайте мне попогудать Садко и Валькарда <?>.¹⁰

¹ Л. Б. Модзалевский.

² *Ольденбург Сергей Федорович* (1863—1934) — востоковед-индолог, экстраординарный академик (с 1903 г.), академик (с 1908 г.), непреременный секретарь Академии наук (1904—1929); управляющий делами Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину в Петербурге (с 1904 г.), один из деятельных сторонников идеи «Дома Пушкина» при императорской Академии наук. О его роли в создании Пушкинского Дома см.: В. А. Рышков и его «Дневник» / Публ. В. П. Степанова // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. С. 119—159.

³ 25 апреля Отделение русского языка и словесности и Пушкинский Дом направили ходатайство «об определении на месяц самым срочным порядком и вне всякой очереди в санаторию КУБУ в Детском Селе» Б. Л. и В. Н. Модзалевских: «Б. Л. Модзалевский по состоянию своего здоровья (острый невроз сердца и полный упадок сил) второй месяц уже не принимает участия в работе Пушкинского Дома, который вследствие этого на две трети парализован» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1921), № 9, л. 27).хлопоты Ольденбурга об устройстве Модзалевских в санаторий Дома ученых увенчались успехом, и с 30 мая по 12 июня 1921 г. они отгдыхали в «Сандомуче» (см.: Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. С. 210—214).

⁴ *Котляревский Нестор Александрович* (1863—1925) — историк литературы, критик; академик (с 1909 г.), член Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину в Петербурге (с 1909 г.), первый директор Пушкинского Дома (1910—1925). О роли Н. А. Котляревского в первые десятилетия существования Пушкинского Дома см.: *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. С. 298—300, 333; Из дневников Е. П. Казанович // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. С. 160—174; Из переписки Б. Л. Модзалевского / Публ. Е. И. Семенова // Там же. С. 181—184, 203—214.

⁵ КУБУ — Комиссия по улучшению быта ученых, созданная в 1920 г. при Доме ученых (Миллионная (Халтурина) ул., 27) и призванная осуществлять его основные задачи (улучшение быта ученых и распределение академических пайков). В состав Петроградской КУБУ, председателем которой был М. Горький, входили С. Ф. Ольденбург, Н. А. Котляревский, И. И. Манухин, А. Е. Ферсман, М. П. Кристин и др.

⁶ Вопрос со срочным оформлением анкетных листов был решен в Пушкинском Доме вполне «по-домашнему», о чем Л. Н. Перетц сообщил Модзалевскому, уже отдыхавшему в Царском Селе: «Анкеты Вашу и Варв<ары> Ник<олаевны> я сам переписал и дал подписать: одну Мод<есту> Людв<иговичу>, другую Ник<олаю> Кир<овичу> (Козмину. — Т. К.), как специалистам. Вышло хорошо» (РО ИРЛИ, ф. 184, письмо Л. Н. Перетца к Б. Л. Модзалевскому от 6 июня 1921 г.).

⁷ 26 апреля 1921 г. Б. Л. Модзалевский с женой переехал в Удельную, где снял комнату в доме С. Д. Киселева (1-я Лидинская ул., д. 7, кв. 4) (см.: РО ИРЛИ, ф. 184. Академическая записная книжка Б. Л. Модзалевского 1920—1928 гг., л. 11 об.; Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. С. 209—210).

⁸ *Ковалев Петр Ильич* — старший академический служащий, состоявший при Б. Л. Модзалевском еще в бытность его заведующим архивом Конференции Академии наук; с 1919 г. занимал в Пушкинском Доме должность технического помощника.

⁹ См. прим. 14 к письму 29.

¹⁰ О ком идет речь и какие реальные люди скрываются за этими прозвищами, не ясно.